

АРТУР И ШЕРЛОК

Конан
Дойл
и
создание
Холмса

Майкл Симс

Биография великого человека

Майкл Симс

**Артур и Шерлок. Конан
Дойл и создание Холмса**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)

Симс М.

Артур и Шерлок. Конан Дойл и создание Холмса /
М. Симс — «Эксмо», 2017 — (Биография великого
человека)

ISBN 978-5-04-089161-0

Эта книга – прекрасный подарок всем почитателям знаменитого Шерлока Холмса. Написанная в стиле, напоминающем манеру его создателя, Артура Конан Дойла, она рассказывает поистине детективную историю о том, как молодой шотландский доктор стал писателем с мировым именем, а его герой – величайшим сыщиком всех времен и народов. Погрузив читателя в атмосферу викторианской Англии, Майкл Симс вводит его в литературный и научный мир конца XIX века, знакомит с ближайшим окружением Артура Конан Дойла, с его лабораторией – медицинской и писательской. «Нет ничего важнее мелочей», – пишет автор. И их в этой книге немало: многочисленные неизвестные факты из жизни Конан Дойла, детали деятельности прототипа Шерлока Холмса, разбор «маркетинговых» приемов, использовавшихся в «продвижении» революционных для своего времени повестей и рассказов о великом сыщике и многое другое. Из книги вы также узнаете:

- Как звали Шерлока Холмса и Джона Ватсона изначально
- Чем отличается дедукция от индукции и дедуктивный ли метод на самом деле использовал великий сыщик
- Какие семейные тайны Артура Конан Дойла легли в основу его произведений
- Когда Холмс впервые появился «на публике» в своем знаменитом «охотничьем кепи» и почему это было совершенно неприлично
- Почему Артур Конан Дойл поссорился с первым издателем историй о великом детективе
- С кого самый известный иллюстратор книг о Шерлоке Холмсе Сидни Пэйджет списал «каноническое» изображение сыщика.

УДК 821.111.09

ББК 83.3(4Вел)

ISBN 978-5-04-089161-0

© Симс М., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Увертюра:	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Майкл Симс

Артур и Шерлок: Конан Дойл и создание Холмса

Джорджу Гибсону – с восхищением и любовью

– Как же вы узнаете, кто он?
– Только путем размышлений.
– Размышлений над этой шляпой?
– Конечно.
– Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого рваного фетра?
– Вот лупа. Попробуйте применить мой метод.
(Артур Конан Дойл. «Приключения Шерлока Холмса. Голубой карбункул»; пер. М. Чуковской)

Michael Sims

ARTHUR AND SHERLOCK: Conan Doyle and the Creation of Holmes

Copyright © Michael Sims, 2017

© Мовчан А., перевод на русский язык, 2017

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Увертюра: Воспоминания

Блестящая медная табличка на железной уличной ограде извещала:

«Доктор Конан Дойл, хирург»¹.

Пациенты, желавшие получить консультацию у Артура Конан Дойла, проходили по Элм-гроув, пока не оказывались перед третьей по счету калиткой от пересечения западной оконечности улицы с Кингс-роуд². Табличка висела перед первым из двух узких трехэтажных домов «Буш-Виллас», стиснутых стена к стене соседскими строениями³. Слева, если смотреть со стороны улицы, возвышались кирпичная колокольня и недавно отремонтированная баптистская церковь Элм-гроув с изящными арочными окнами. Справа виднелся красивый изогнутый фасад гостиницы «Буш», о которой в рекламе сообщалось, что она предоставляет номера «как предпринимателям, так и семьям»⁴. Гостиница располагала самым большим бильярдным залом в районе Саутси. Плечистый Артур, всегда увлекавшийся спортом, любил играть в гостинице в бильярд и в кегли на широкой зеленой лужайке позади нее⁵.

Выходившие на улицу большие квадратные окна его квартиры смотрели почти прямо на север, поэтому в комнаты поступал ровный, спокойный свет. Пациенты входили через арочный подъезд слева, примыкавший к церкви⁶. Коридор за входной дверью вел в прихожую и приемную на первом этаже. Поднявшись по лестнице, можно было попасть в операционную и гостиную⁷. Следующий лестничный пролет вел к двум спальным комнатам на верхнем этаже, где пациенты никогда не бывали.

В начале 1886 года Артуру Конан Дойлу было чуть менее двадцати семи. Почти четыре года он занимался врачебной практикой (не всегда успешно) в Саутси, шумном жилом районе Портсмута в Англии. Не имея возможности приобрести уже сложившуюся практику, он решил создать свою собственную и после некоторых поисков остановил выбор на Портсмуте, посчитав его перспективным городом. В местных спортивных и научных кругах он был известен своей общительностью и искренним, заразительным смехом⁸.

Обосновавшись здесь, спустя четыре года он несколько поправил свои дела. Он уже не был так беден, чтобы покупать в кредит для гостиной скрипучие стулья и выцветший ковер. Он уже больше не спал в пальто из грубого сукна, как ему приходилось делать первые две недели на «Буш-Виллас», когда у него не было постельного белья. Он уже не должен был готовить бекон на плитке, прикрученной к стене над газовым рожком. Он больше уже не занимал деньги у своей матери, оставшейся в Эдинбурге. Его заработки постепенно росли, но он перестал бояться кредиторов только тогда, когда женился на изящной и тихой Луизе Хокинс по прозвищу Туи, которую он полюбил, пользуясь ее младшего брата в последние дни его жизни. Пациентов было еще немного, но Артуру больше уже не приходилось с тревогой высматривать через деревянные жалюзи, сколько прохожих остановилось прочесть его имя на медной табличке⁹.

Они не были богаты, Туи и Артур, но жили в довольстве. Конан Дойл теперь мог позволить себе роскошь уделять больше внимания литературному труду. После переезда в Саутси он старался как можно больше времени проводить за письменным столом на верхнем этаже, там, куда никогда не допускались пациенты. Он исписывал страницу за стра-

¹ Здесь и далее авторские примечания (пронумерованные) приведены в конце книги, поглавно. Примечания переводчика и редактора – постранично. – *Прим. ред.*

ницей своим аккуратным некрупным почерком, задумчиво поглядывая из-за стола в окно. Его настолько глубоко трогал вид за окном его рабочего кабинета, что позже он опишет его в одном из своих романов¹⁰: звук дождя, глухо барабанившего по опавшей листве и выбивавшего более ровную дробь по гравийной дорожке, лужи на улице и вдоль пешеходной дорожки и даже бахрому прозрачных дождевых капель, свисавшую с перекладины блестящих от влаги ворот. В открытые в теплую погоду окна до него доносился запах влажной земли.

Здесь Артур писал рассказы о приключениях, мистических и сверхъестественных явлениях, сворачивал их и отправлял в трубу пневматической почты. Поначалу это сочинительство, как он однажды вспоминал, напоминало ему почтовых голубей – так же как и они, его первые писательские опыты быстро и аккуратно возвращались к автору из тех журналов и газет, куда он их рассылал. Но со временем успех пришел к нему. Он также писал статьи о своем хобби – фотосъемке, начиная от ярких и колоритных отчетов о поездке на борту парохода вдоль побережья Африки до технических консультаций по вопросам подготовки оптических линз к фотосъемке.

Однако в силу традиций того времени большинство его рассказов публиковалось анонимно. Его репутация у редакторов различных издательств росла, но широкой публике его имя оставалось неизвестно. В конце концов он решил, что должен написать роман. Как сказал он сам себе, только его имя на корешке крупного художественного произведения поможет читателям узнать о нем¹¹. В свое время он уже написал один небольшой нескладный роман, единственная копия которого была потеряна на почте, но был полон решимости предпринять еще одну попытку.

Его самого привлекали детективные рассказы. Он уже давно восхищался логическим умом частного детектива Огюста Дюпена, героя произведений Эдгара Аллана По, наслаждался приключениями проницательного полицейского детектива месье Лекока пера Эмиля Габорио. Дерзкие полицейские ищейки из низкопробных литературных произведений, инспектор полиции Баккет из романа Чарльза Диккенса «Холодный дом», сыщик Кафф из романа Уилки Коллинза «Лунный камень», не так давно выведенный Анной Кэтрин Грин в романе «Дело Ливенворта» нью-йоркский полицейский Эбенезер Грайс – многие эти и подобные им детективы уже крутились в воображении Артура, когда он решил создать своего собственного героя.

У него не было никакого опыта подлинной сыскной деятельности. Тем не менее, когда он стал обдумывать возможные сюжеты, он вспомнил свои студенческие годы на медицинском факультете Единбургского университета, в городе, где он родился и куда вернулся в 1876 году, когда ему было семнадцать, после закрытых колледжей в Англии и Австрии. В первую очередь он вспомнил о своем любимом преподавателе, блистательном профессоре, невысоком, с крючковатым носом, Джозефе Белле. Хирург и блестящий диагност, тот оказал на молодого студента сильное впечатление. Артур всегда восхищался поразительной способностью Белла не только диагностировать болезнь, но и выявлять детали личной жизни своих пациентов. Артур вспомнил о необычных привычках профессора: пристально изучать подушечки пальцев и манжеты пациентов, чтобы узнать их профессию и пристрастия, обращать внимание на особенности их акцента, на брызги грязи на обуви. Он вспомнил также о властной манере профессора Белла, в которой тот вел беседу, и об уверенности в его голосе, которая помогала ему убеждать в своей правоте любого, с кем он спорил.

Конан Дойл подумал, что, если бы Джозеф Белл был детективом, он мог бы раскрывать преступления, опираясь на систематизированные, современные знания. Он бы использовал для этого практический опыт в области химии и судебной медицины, а также энциклопедические знания об истории преступлений. Он должен был бы обращать внимание на мел-

кие детали и делать из них далекоидущие выводы. Такой персонаж стал бы новым героем в детективном жанре: детективом, опирающимся на научный подход¹².

В конце зимы – начале весны 1886 года за окном, выходящим на Элм-гроув, в своем маленьком кабинете, вдали от семейных хлопот и врачебной суеты, среди книг и груды бумаг Артур Конан Дойл писал страницу за страницей, вспоминая события и детали почти десятилетней давности.

Часть I

Доктор Белл и мистер Дойл

Студента прежде всего необходимо научить внимательно наблюдать. Для того чтобы студенты этим заинтересовались, мы, учителя, считаем полезным показать им, как много можно узнать, если умело применять наблюдение в таких обыкновенных темах, как анамнез, национальность и профессия пациента... Благодаря физиогномике можно установить национальность пациента, его акцент подскажет вам, из какой он местности, при определенной тренировке можно на слух определить чуть ли не округ. Практически у каждого ремесленника по рукам можно совершенно точно прочитать, к какой профессии он принадлежит. У шахтера на руках не такие шрамы, как у рабочего из каменоломни, мозоли плотника не спутать с мозолями каменщика¹.

(Джозеф Белл, доктор медицинских наук)

Глава 1

Сверхчеловек

И вот я перед вами – высокий, крепкого телосложения, но еще не вполне сформировавшийся юноша, едва только приступивший к пятилетнему курсу изучения медицины¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Артур Дойл провел пациента через переполненный, залитый газовым светом амфитеатр, сквозь толпу студентов#медиков, окружавших доктора Джозефа Белла, и оставил его стоять перед профессором, сидевшим на стуле². Пациент вел себя уважительно, но держался с достоинством. Шляпу снимать он не стал. Говорил он с сильным шотландским акцентом. Пациент рассказал, что прибыл в королевскую клинику Эдинбургского университета, надеясь получить здесь медицинскую помощь. У него была слоновая болезнь на ранней стадии.

Как обычно в разговоре с пациентами, поначалу доктор Белл никаких эмоций не выражал. Его сдержанная манера держать себя напоминала молодому Артуру непроницаемость индейцев Северной Америки³. С детства Артур любил читать рассказы о Диком Западе, и подобное сравнение сразу пришло ему на ум. Откинувшись на спинку стула, Джозеф Белл сложил ладони домиком, соединив кончики пальцев, вновь взглянул на пациента и громко, чтобы было слышно всем студентам, сказал:

- Итак, любезный, вы служили в армии?⁴
- Да, сэр!
- Недавно уволились?
- Да, сэр!

² Здесь и далее неатрибутированные переводы (включая переводы литературных произведений) выполнены А. Смирновым. – Прим. ред.

– Из Хайлендского полка? – Доктор Белл говорил высоким пронзительным голосом⁵, его «эдинбургский акцент образованных людей» совсем не подходил сухопарому, мускулистому доктору⁶ – на вид и не скажешь, что ему уже сорок.

– Да, сэр!

– Сержант?

– Да, сэр!

– На Барбадосе служили? – прозвучало вдруг довольно неожиданное на первый взгляд предположение.

– Так точно, сэр!

После того как пациент ушел, Джозеф Белл рассказал, как он пришел к таким выводам. Он объяснил, что пациент – человек воспитанный, но шляпы не снял: военнослужащие этого не делают, но если бы он давно вышел в отставку, то приобрел бы уже манеры штатских. У него уверенный вид, и, без сомнения, он шотландец. «Что же касается Барбадоса, добавил профессор, то раз он страдает слоновой болезнью, в Британии он заразиться этим не мог, а вот в Вест-Индии это обычное дело». Пациент мог, вероятно, заразиться этой болезнью и в других частях Британской империи – в Индии или Афганистане, а не только в Вест-Индии, но, видимо, умозаключение Белла было правильным.

У Джозефа Белла не было никаких предварительных сведений об этом человеке, лишь данная Артуром Конан Дойлом информация о том, чем пациент болен. Доктор Белл был отличным хирургом и преподавателем медицины, кроме того, он был личным врачом королевы Виктории во время ее пребывания в Шотландии, но больше всего он прославился своим умением ставить диагноз. Как правило, еще до начала разговора с пациентом Джозеф Белл уже имел представление о том, кто он такой, чем болеет, кем работает, чем занимается, какой образ жизни ведет. Все это он узнавал, окинув пациента с головы до ног быстрым взглядом, причем выражение его серых глаз было одновременно и критическим, и насмешливым – так казалось Артуру. Джозеф Белл утверждал, что наблюдательному человеку многое должно стать понятно еще до того, как пациент заговорит. Что же до пациенток, то доктор Белл доходил до того, что врач должен определить, о какой части своего тела женщина собирается говорить, судя лишь по ее осанке и положению рук⁷.

Объясняя ход своих мыслей, Джозеф Белл словно читал лекцию, не приглашая никого вступать в дискуссию. В конце 1870#х годов в Эдинбургском университете преподаватели и студенты редко общались между собой. Некоторые студенты не говорили друг с другом ни разу за все время обучения. Преподаватели, как правило, вели свои лекции, сидя или стоя перед заполнявшими аудиторию студентами, молодыми людьми в темных костюмах и галстуках. Некоторые студенты носили бороды или усы, но в большинстве своем они были юношески гладко выбриты, как Артур Конан Дойл⁸. Основные положения услышанного на лекции студенты должны были прилежно записывать в тетрадях. Артур, к примеру, обычно платил по четыре гиней за лекции по анатомии, и предполагалось, что он будет неукоснительно посещать все занятия⁹. Впрочем, профессор Белл, в отличие от своих коллег, проявлял больше человечности и заинтересованности в своих студентах. Он славился своей добротой¹⁰, особенно к женщинам и детям¹¹, а также к студентам, конечно, при условии, что те были подготовлены к занятиям.

В 1878#м, после многих лет преподавания общей и оперативной хирургии, Джозеф Белл был назначен старшим хирургом в клинике¹². Он был одним из тех преподавателей-внештатников, «которые не состояли непосредственно в штате Эдинбургского университета»¹³, но вели занятия по предметам, необходимым для получения диплома. Наставником самого Джозефа Белла был легендарный Джеймс Сайм, ратовавший за введение заочного обучения,

что и произошло в конце концов в 1855 году, как раз во времена студенчества Джозефа Белла. К 1876 году, когда Артур Конан Дойл поступил в университет, эта форма обучения уже давно успешно практиковалась, и студенты могли обучаться у хирургов и других докторов во всемирно известной клинике университета, а также у врачей в других медицинских коллективах не такого масштаба, сосредоточенных вокруг площади Хирургов – в медицинском колледже «Парк Плейс», «Серджеонс Холл» («Зал хирургии»), колледже «Минто Хаус» и в других. Они могли посещать лекции или другие занятия в Королевском общественном диспансере, Эдинбургской глазной клинике, Королевском родильном доме, детской больнице и в других медицинских учреждениях города. Они могли также изучать предметы, необходимые для получения диплома в Лейпциге или Париже, или же других известных медицинских университетах.

Множество молодых людей в черных или пестрых твидовых костюмах, с охапками книг и тетрадей в руках, с усталым видом покидали пределы клиники¹⁴. Они шли, постукивая своими тросточками по камням мостовой, время от времени отходя в сторону, чтобы пропустить грохотававшие мимо повозки. В многочисленных палатах огромного П#образного здания Королевской клиники, в двух корпусах содержались пациенты, болезни которых считалось полезным изучать студентам-медикам¹⁵. Широкая центральная лестница клиники обычно бывала запружена студентами, которым то и дело приходилось расступаться, чтобы пропустить медсестер, переносивших на носилках пациентов. «Я был наг, и Ты одел Меня», – гласила одна из надписей между ионическими колоннами перед входом, а на другой было сказано: «Я был болен, и Ты призрел Меня». Благотворительная клиника была основана на средства, собранные более чем за полтора века пожертвований и сборов денег по подписке, а те строительные работы, на которые собранных средств не хватило, были выполнены бесплатно: стекольщики безвозмездно застеклили все окна, а столяры не взяли денег за рамы для них¹⁶. Строительство было завершено в 1741 году, но клиника не могла вместить всех страждущих и нуждающихся в помощи бедняков, поэтому пришлось возводить дополнительные корпуса.

Впервые в жизни Артур Конан Дойл испытывал глубокий интерес к занятиям и преподавателю. Он старался помочь матери преодолеть финансовые трудности, по крайней мере избавить ее от необходимости оплачивать его обучение в колледже, поэтому стремился освоить годовой курс за полгода¹⁷. Освободившееся время он мог посвятить работе ассистентом врача, одновременно зарабатывая деньги на жизнь и приобретая медицинский опыт. Артур делал множество записей – так хотелось ему преуспеть в занятиях, которые вызывали у него неподдельный интерес¹⁸. Временами доктору Беллу казалось, что этот прилежный студент намерен дословно записывать все, что говорил преподаватель. После ухода пациента Артур часто просил профессора повторить некоторые детали, чтобы убедиться, что понял все правильно¹⁹.

Джо Белл, как студенты и друзья ласково называли его²⁰, был любимым преподавателем Артура Конан Дойла. Доктор Белл был невысок ростом, с угловатыми плечами, орлиным носом и обветренным, красноватым лицом²¹. Человека с такой характерной внешностью хорошо знали и в университетском городке, и в городе. Его легко было узнать даже издали по дергающейся, рваной походке – хромота провоцировала резкость в движениях.

Работа помощником прославленного хирурга и педагога давала целеустремленному студенту широкие возможности. Высокий, плечистый Артур был сообразителен, прямолинеен и прилежен. С детства отличаясь необузданным нравом, повзрослев, он научился держать себя в руках. Таким же внимательным взглядом, как и его преподаватель (глаза у Артура

были необычного радужно-голубого оттенка²²), следил студент за всем, что делал Джозеф Белл.

Задолго до начала совместной работы с доктором Беллом в амбулаторном отделении Артур знал и восхищался тем, как виртуозно тот ставил диагнозы. Раз в полгода хирурги выбирали себе нескольких ассистентов, которые помогали им принимать пациентов. Джозеф Белл, имея возможность выбирать себе ассистентов из большого числа студентов, выбрал Артура, а также еще несколько надежных помощников. Артур не причислял себя к блестящим студентам – по всем предметам он имел «удовлетворительно», а по клинической хирургии – «удовлетворительно с минусом»²³. Но доктор Белл считал его одним из самых перспективных студентов из всех, что когда-либо обучались у него²⁴. Профессор Белл видел, что этот юноша проявляет живой интерес ко всему, что связано с диагностикой, и очень внимателен к малейшим деталям, хорошо понимая, что они могут иметь значительные последствия. В хирургическое отделение амбулатории могли обратиться пациенты с самыми разнообразными жалобами²⁵. Это могли быть травмы или хронические боли, а также любые заболевания внутренних органов: хоть органов дыхания, хоть гинекологические болезни. При этом Джозеф Белл потребовал, чтобы студенты были готовы оказать медицинскую помощь каждому, кто обратится в амбулаторию. Строительство новой Королевской клиники было завершено в 1879 году, и в течение следующего года в амбулаторном отделении клиники было принято пятнадцать тысяч пациентов²⁶.

Артур Конан Дойл и другие толковые помощники сначала опрашивали пациентов в боковой комнате, а затем быстро приводили их на осмотр к доктору Беллу и уводили²⁷. За день Артур успевал осмотреть семьдесят-восемьдесят пациентов, сделать записи о том, на что каждый из них жалуется, и сводить их одного за другим на консультацию к профессору Беллу²⁸. При этом Артуру часто казалось, что Джозеф Белл при одном беглом взгляде больше узнавал о пациенте, чем Артур мог бы сообщить после всех своих опросов. Еще в самом начале работы Артура ассистентом у Джозефа Белла профессор предупредил его, что для проведения опросов амбулаторных пациентов ему нужно будет освоить говор трущоб²⁹. Артур происходил из ирландской семьи, хотя родился в Эдинбурге. Жили они в скромной, но красивой квартире в трехэтажном доме на площади Пикардия, неподалеку от неоготических парапетов церкви Святого Павла и епископальной церкви Святого Георгия. Артур поспешил заверить доктора Белла, что знает местное наречие в совершенстве. Как и следовало ожидать, едва ли не первый пациент поставил Артура в тупик, сообщив, что у него «в подпазушке свербит». И обескураженному доктору Беллу пришлось объяснять Артуру, что речь идет об абсцессе под мышкой.

«Внимательно наблюдая и используя дедукцию, господа, – говорил Джозеф Белл уверенно, – вы сможете всегда поставить правильный диагноз абсолютно любого заболевания». Он гордился своей репутацией умелого наблюдателя³⁰. «И тем не менее, – добавлял он, – нельзя пренебрегать проверкой своих выводов с помощью стетоскопа, как, впрочем, и другими проверенными методами диагностики, чтобы обосновать свой диагноз»³¹.

Бывало, Белл осматривал пациента и между делом замечал: «А, сапожник, понятно». Позже он объяснял студентам, что узнал об этом по незначительной мелочи, на которую ни один из них не обратил внимания, – по истертому пятну на брюках пациента, на колене с внутренней стороны. Именно там расположен упор выколочки, которую держит сапожник на коленях, когда отбивает натянутую на это приспособление кожу, чтобы сделать материал для обуви более прочным.

Он указывал студентам и на другие приметы различных профессий и требовал, чтобы они учились замечать все это с первого взгляда. Как-то доктор Белл смог моментально опре-

делить, кровельщик ли пациент или резчик пробки: «Бросив беглый взгляд на пальцы пациента, вы, господа, увидите либо небольшое затверждение, обыкновенную мозоль, на указательном пальце сбоку, либо утолщение на наружной стороне большого пальца – все это верные признаки одного или другого вида деятельности пациента».

Однажды помощник привел на осмотр к Джозефу Беллу мать с ребенком. Поздоровавшись с ней, доктор невзначай спросил: «Благополучно ли добирались на пароме из Бернтайленда?»³² (город на реке Ферт в области Файф).

- Да, спасибо, благополучно, – ответила она.
- А как прогулялись по Инверлит-роу?
- Хорошо, спасибо.
- А где ваш другой сын?
- Я его у сестры в Лите³ оставила.
- А на линолеумной фабрике все еще работаете?
- Да, работаю.

Затем Джозеф Белл объяснил студентам, как сделал все эти вытекающие один из другого выводы. Во#первых, женщина говорила на наречии жителей области Файф, а Бернтайленд – ближайший к Эдинбургу городок этой области; кроме того, на пальцах правой руки у женщины был дерматит, характерный для работников с линолеумной фабрики, расположенной в Бернтайленде. «Вы должны были заметить, что на обуви этой женщины по краю подошвы виднелась красная глина, – добавил он, – а в пределах двадцати миль вокруг Эдинбурга такая глина встречается только в Ботаническом саду. При этом улица Инверлит-роу проходит вдоль сада, и это самый короткий путь сюда из Лита. В руках женщина держала детское пальтишко, но совершенно очевидно, что оно было бы велико для сынишки, который был с ней, отсюда вывод, что у него, должно быть, есть старший брат».

«Сложить два и два, господа, весьма несложно, – заметил как-то Джозеф Белл, объясняя студентам другой подобный пример, – нужно только быть наблюдательным»³³.

Один из предыдущих ассистентов доктора Белла, студент по имени А. Л. Курор, буквально боготворил профессора, как, впрочем, и Артур Конан Дойл. Курор позднее называл Джозефа Белла «сверхчеловеком»³⁴. Родные профессора Белла были с ними полностью согласны. Путешествуя поездом со своим семейством, Джозеф Белл часто развлекал своих детей, делая наблюдения о попутчиках. Когда эти люди выходили, Белл рассказывал детям, что ему удалось узнать о них благодаря своему умению наблюдать и делать из этого выводы. Он рассказывал, кто эти люди по профессии, какие у них привычки, куда они, скорей всего, едут, при этом ни словом с этими попутчиками не обмолвившись. Позже его дочь вспоминала: «Мы считали его волшебником»³⁵.

³ Лит – название порта Эдинбурга, до 1920 года – отдельный город. – *Прим. пер.*

Глава 2

Способности к дедукции

Нет ничего удивительного в том, что, зная такого человека, я использовал и развивал его методы, когда позднее попытался создать персонаж детектива, который, применяя научный подход при расследовании преступлений, достигал этого благодаря своим собственным знаниям и умениям, а не воспользовавшись промашками преступника¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Способность к «ясновидению» при постановке диагноза, так поражавшая Артура Конан Дойла, была присуща не только Джозефу Беллу. Учитель будущего писателя принадлежал к поколению наблюдательных, проницательных европейских врачей, которые, располагая ограниченным набором диагностических средств и анализов, имели дар наблюдательности и аналитические способности. Они были знамениты и популярны. На рубеже XIX века специалисты-медики стали придавать большое значение внимательному наблюдению за пациентами и подвергать критике ненаучные представления традиционной медицины о возникновении заболеваний. Еще Гиппократ в V веке до нашей эры стремился открыть механизмы возникновения патологических процессов в теле человека, а не гадать, какое божество или дух следует винить в появлении той или иной болезни. Но после него понимание того, что тщательность наблюдения является ключевым фактором точной диагностики и качественного лечения, в истории медицины встречалось нечасто.

Австрийский терапевт и дерматолог Фердинанд фон Гебра, ставший в 40-х годах XIX в. основателем знаменитой Венской школы дерматологии, тоже пользовался подобными приемами в процессе осмотра пациентов, делая наблюдения за оставшимися на теле пациента следами его профессиональной деятельности и особенностями его образа жизни. В диагностике он использовал свой патологоанатомический опыт, а также результаты многолетней практики по лечению пациентов, страдавших чесоткой и экземой. Сам Фердинанд фон Гебра учился в Университете Вены у профессора медицины, патологоанатома чеха Джозефа Шкоды². Это был первый преподаватель в университете, который читал лекции не на латыни, а на немецком языке. Именно профессор Джозеф Шкода обучил Фердинанда фон Гебра основам дерматологии, которая ранее считалась не слишком уважаемой специальностью в медицине. Профессор Джозеф Шкода высоко ценил способности Фердинанда к диагностическому наблюдению и экстраполяции, а также его дар образно и живо, основываясь на фактах, излагать материал на лекциях.

Фердинанд фон Гебра часто мог без единого вопроса точно определить возраст, вес и место рождения пациента, равно как и чем он болен, а также род его занятий. Он советовал своим студентам не спрашивать пациента, есть ли у него зуд от сыпи, а посмотреть, есть ли на коже следы царапин. По мозоли на подушечке большого пальца Фердинанд фон Гебра делал вывод, что пациент работает шляпником. По бархатистости кожи лица и красноватому носу он узнавал любителя коньяка или пива. Подержав пациента за руку, он замечал, например, характерные следы от уколов иголкой на указательном пальце и говорил своим студентам: «Этот человек – портной»³.

Фердинанд фон Гебра, как и Джозеф Белл, слыл не только компетентным преподавателем, но и прекрасным оратором. Один не изучавший медицину студент как-то сказал, что он «ни черта не смыслит в дерматологии», но ходит на лекции Фердинанда фон Гебры, потому

что считает их более захватывающими, чем постановки знаменитого венского театра «Театр дер Вьен».

Однажды к нему вошел, хромая, пациент. Присев, он начал разматывать повязку на своей ноге. Посмотрев на него, Фердинанд фон Гебра объявил своим ученикам: «Это хорват, пятидесяти пяти лет от роду, болен туберкулезом легких, а по профессии он портной».

Студенты помнили, что ранее профессор определил портного по следам игольных уколов на его пальцах. Но в этот раз Фердинанд фон Гебра еще не успел коснуться руки этого человека. Студенты скептически отнеслись к такому выводу преподавателя.

«Как, разве вы сами не видите, что он портной? – удивился фон Гебра. – Посмотрите на этот клочок серой ткани, которым он закрепил повязку из бинта. Из такой ткани портные обычно делают подкладки для жилетов».

В те времена ремесленники и рабочие, как правило, одевались очень похоже, их одежда напоминала своеобразную униформу, а труд был в основном ручным, поэтому для таких выводов сверхъестественного чутья не требовалось, достаточно было дотошно изучить все приметы и особенности. Еще в начале 50#х годов XVIII в. Сэмюэль Джонсон, ставший для Артура Дойла одним из самых любимых исторических деятелей благодаря написанной Джеймсом Босуэллом необычной биографии этого выдающегося человека, написал в своем журнале «Рэмблер» такую красивую аналогию, ставшую впоследствии хорошо известной цитатой:

«Если долго повторять какое-либо действие или стоять в одной и той же позе, это неминуемо калечит и уродует наше тело. Так и ум подобным же образом калечит непрерывное повторение одних и тех же мыслей. О профессии ремесленника легко догадаться по его коленям, его пальцам или его плечам; немного найдется среди людей более возвышенного труда таких, чей ум не будет отмечен печатью его рода деятельности и по разговору которых нельзя будет сразу понять, к какому классу общества они принадлежат».

Сэмюэль Джонсон использовал свою наблюдательность не только в литературе. Он лично принял участие в расследовании дела пресловутого коклэйнского призрака и помог раскрыть схему того, что Джеймс Босуэлл назвал «жульничеством»⁴. Спустя сто лет после публикаций Сэмюэля Джонсона (и через десять лет после рождения Артура Конан Дойла) один французский врач, Огюст-Амбуаз Тардьё, опубликовал солидное исследование о диагностической ценности стигмы (видимых характерных признаков заболевания), которая появляется в результате профессиональной деятельности человека. Огюст-Амбуаз Тардьё, специалист в области судебной медицины и токсикологии, подробно осветил эту тему в своем труде «Изучение физико-химических изменений в некоторых частях человеческого тела, вызванных различной профессиональной деятельностью, и их значение для установления личности при проведении медико-правовой экспертизы»⁴. Тардьё упомянул и других замечательных диагностов, отличавшихся наблюдательностью. Это и француз Жан-Николя Корвисар, основоположник кардиологии и личный врач Наполеона, и ученик Корвисара, Гийом Дюпюитрен, отличавшийся независимостью и свободомыслием хирург и анатом. Последний стал настолько широко известен, что послужил прототипом героя рассказа Оноре де Бальзака «Обедня безбожника», а также был упомянут в романе Гюстава Флобера «Мадам Бовари»⁵. Кроме того, к таким диагностам относился и Арман Труссо, французский терапевт, который первым описал ранние симптомы злокачественных опухолей, позже получив-

⁴ История «коклэйнского призрака» в 1762 г. была весьма громкой и скандальной. На поверку «дом с привиденьем» на улице Коклэйн (откуда и название истории) оказался своего рода сценой для попытки должника скомпрометировать кредитора при помощи призрака, обвинявшего кредитора в убийстве. Обман вскрылся («призраком» оказалась дочь кредитора), несостоявшиеся мошенники были осуждены и наказаны. С процесса над салемами ведьмами, где суд всерьез рассматривал «сверхъестественные доказательства», прошло всего семьдесят лет. – *Прим. ред.*

шие название «признаки Труссо». Сам он также обнаружил у себя эти признаки рака, от которого вскоре и умер.

Артур Конан Дойл посещал пятничные занятия медицинского факультета Эдинбургского университета, проходившие в хирургическом зале Королевской клиники. Эта полу-круглая аудитория-амфитеатр находилась на самом верху главного здания⁶. Скамейки ярусами окружали деревянный отполированный операционный стол, под которым стояла оловянная ванна, наполненная опилками для впитывания стекающей крови⁷. Ничего удивительного, что студенты испытывали неуверенность и смущение в присутствии доктора Джозефа Белла, который подавлял их своим авторитарным тоном и начальственным видом. Он железной рукой управлял и пациентами, и студентами. Если порой потенциальный пациент давал понять, что не собирается иметь дело с обычными студентами в ожидании возможности проконсультироваться у доктора Джозефа Белла, тот просто выставлял его из клиники⁸.

Как-то раз перед собравшимися студентами предстал, хромя, пациент, даже не снявший пальто перед входом в аудиторию. Доктор Белл обратился к одному заметно нервничавшему юноше в зале: «Скажите, на что жалуется данный пациент? Спуститесь вниз, сэр, и взгляните на него!»⁹

Студент нерешительно подошел к пациенту.

«Нет! – вдруг рявкнул Белл. – Не прикасайтесь к нему!» Он настойчиво требовал от растерявшегося студента: «Используйте зрение, сэр! Используйте слух! Используйте свой мозг, свою шишковидную железу восприятия», – добавил он, намекая на уже развенчанную «науку» френологию. Затем доктор Белл вернулся к своей обычной теме: «И примените свои дедуктивные способности».

Юноша с опаской осмотрел пациента и наконец отважился высказать диагноз: «Заболевание тазобедренного сустава, сэр!»

Белл откинулся на спинку стула и скрестил длинные тонкие пальцы под подбородком. «Никакой тазобедренный сустав у него не болит! – насмешливо фыркнул он. – Он хромяет, потому что у него болят ноги, а точнее, ступни ног. Если бы вы внимательно понаблюдали, – продолжил он, – вы бы увидели, что у него на башмаках прорехи, конкретнее надрезы, в тех местах, где обувь сильнее всего давит на ступни. Это человек страдает от мозолей, господа, а с тазобедренными суставами у него все в порядке».

Затем доктор Белл сообщил, что этот первый диагноз был сущим пустяком по сравнению со второй проблемой пациента. Джозеф Белл сказал: «Он пришел сюда лечиться не от мозолей, господа. Мы не педикюром тут занимаемся. Его беда гораздо серьезней. Он страдает хроническим алкоголизмом». Пациенту, должно быть, было не слишком приятно услышать, как Белл описал его внешность: «Покрасневший нос, опухшее, отечное лицо, налитые кровью глаза, руки дрожат, мышцы лица подергиваются, височные артерии учащенно пульсируют – все указывает на то, что перед нами алкоголик».

И Белл лукаво повторил свое мнение о необходимости искать подтверждение своим предположениям: «Все эти выводы, господа, подтверждаются совершенно бесспорными и однозначными доказательствами». Говоря это, он указал на оттопыренный правый карман пальто пациента – оттуда торчало горлышко бутылки виски.

В другой раз Белл угадал и выставил на обозрение всего курса подробности жизни одного из студентов вместо пациента¹⁰. Юноша, как ни старался, не смог поставить диагноз какому-то пациенту. Доктор Белл негодуяюще смотрел на это, а потом отчеканил: «Достаньте свою тетрадь, молодой человек, и посмотрите, получится ли у вас таким образом выразить свои мысли».

С этими словами он повернулся к удивленным студентам в аудитории и изрек цитату из Библии: «Очи имеют и не видят, уши имеют и не слышат!»

Доктор Белл вновь повернулся к студенту, который в этот момент случайно выронил письмо, нервно вытаскивая тетрадь из кармана. Он попытался спрятать письмо, но не успел.

«Вы родом из Уэльса, верно, сэр? – резко спросил Белл (сам он был коренным шотландцем, родился и вырос в Эдинбурге). – Я так и думал! Человек, который говорит «силлинг» вместо «шиллинг», который так раскатисто произносит «р», который говорит с таким своеобразным, грубоватым и очень сильным акцентом, как вы, сэр, – это не шотландец. Вы и не ирландец, и не англичанин. От вашей манеры речи пахнет Уэльсом».

Тут доктор Белл на минутку отвернулся от сгорающего со стыда юноши и, обращаясь к другим студентам, объяснил, что в подтверждение его выводов имелось еще одно свидетельство, помимо акцента. Джозеф Белл заметил, что упавшее письмо, подписанное женской рукой, было адресовано «мистеру Эдварду Джонсу». «Таким образом, господа, это и есть его имя, а судя по почтовому штампу на конверте, оно было отправлено вчера из Кардиффа. Кардифф находится в Южном Уэльсе, а имя Джонс еще раз подтверждает, что наш друг – валлиец».

Джозеф Белл казался Артуру Конан Дойлу и его сокурсникам бесконечно колоритной личностью¹¹. Он подъезжал к университетским воротам на своем низком ландо – четырехместной коляске с двумя парами сидений друг напротив друга и откидной крышей, а впереди, на облучке, восседал кучер в ливрее, покрикивающий на пару гнедых, которых дети доктора прозвали Большая и Маленькая. Старожилы клиники понимали, что вольно или невольно доктор Белл подражал своему уважаемому учителю, профессору Джеймсу Сайму, знаменитому университетскому преподавателю и хирургу-новатору, который умер в 1870 году¹². Однако Джозеф Белл не доходил до того, чтобы полностью копировать желтую карету своего наставника с цветастыми выгнутыми рессорами.

Джозеф Белл считал Джеймса Сайма проницательнее и наблюдательнее себя, хотя кроме него мало кто позже вспоминал о Сайме как об исключительно наблюдательном диагносте¹³. Джозеф Белл любил цитировать девиз Сайма: «Постарайтесь так же хорошо изучить особенности заболевания или травмы, как хорошо вы знаете особенности, походку и манеры своего самого близкого друга»¹⁴.

Джозеф Белл окончил Эдинбургский университет в 1859 году (в том же году родился Артур Конан Дойл). Затем под руководством профессора Джеймса Сайма молодой доктор Белл работал терапевтом в Королевской клинике¹⁵. Профессор Джеймс Сайм был университетской легендой, служил образцом одаренности и преданности делу, был предметом гордости университета. С детства увлекаясь химией, Джеймс Сайм еще подростком открыл, что каменноугольный деготь, маслянистый осадок, получаемый в результате переработки угля, может быть использован для получения раствора, подобного каучуку или индо-каучуку¹⁶. Таким образом, этот раствор можно было применять для пропитки тканей, например шелка, для создания водонепроницаемых тканей. Химик из Глазго Чарльз Макинтош запатентовал подобный метод, а затем стал производить новый вид пальто из водонепроницаемой ткани, вскоре названный его именем.

В университетской клинике доктор Белл был и общим хирургом, и преподавателем анатомии, и хирургом глазного отделения. Однако его хорошо знали и далеко за пределами Эдинбурга. В течение нескольких лет он был редактором «Эдинбургского медицинского журнала», уважаемого во всей Европе и в Америке. Он был известен и как автор популярного учебника «Руководство по хирургическим операциям для студентов старших курсов, хирургов#практикантов, а также среднего медицинского персонала». («Передо мной стояла цель описать как можно проще наиболее распространенные операции, особенно те, в выполнении которых, в силу их особенностей, можно попрактиковаться на мертвом теле»¹⁷.) Джозеф Белл был потомком целой плеяды врачей-практиков Эдинбурга. Его дед, Чарльз Белл, впер-

вые описал синдром, позже получивший название «паралич Белла». Поколениями в семье Беллов сыновьям давали поочередно имена Бенджамин и Джозеф.

Джозеф Белл быстро сделал великолепную карьеру. В возрасте двадцати одного года он блестяще защитил диссертацию по эпителиальному раку перед традиционно придирчивыми скептиками из Эдинбургского Королевского медицинского общества, которые по окончании защиты стоя рукоплескали молодому доктору¹⁸. Выдающийся профессор анатомии Уильям Тёрнер, признанный авторитет в этой области с 1865 года, вспоминал, что за два года, которые доктор Белл провел на посту преподавателя анатомии в начале своей карьеры, «исполняя обязанности моего помощника, он приобрел заслуженную популярность среди студентов за свою наблюдательность, умение ясно излагать материал, а также за то, что всегда был готов помочь им в любых затруднениях, неизменно находя ободряющие слова»¹⁹.

Артур Конан Дойл тоже считал, что Джозеф Белл отличался добротой и неизменно добросовестно относился и к обучению студентов, и к лечению пациентов²⁰. Как преподаватель, профессор Белл требовал от своих студентов только то, чему научился он сам, и считал свое требование справедливым. Доктор Белл учил своих студентов не только диагностике, но и состраданию. Оказание помощи страждущим Джозеф Белл считал религиозным долгом и всегда с готовностью выполнял его. Он был страстным натуралистом, охотником и садовником. Любовь к природе, равно как и стремление помогать людям, Джозеф Белл черпал в вере²¹. Когда в 1865 году Джозеф Белл женился, его мать сообщила его молодой жене, что сын был «с колыбели посвящен Богу»²², и молодожены приняли решение жертвовать десятину своих доходов церкви²³. Его жена умерла в 1874 году, оставив Джозефу двух маленьких дочерей и сына²⁴. Артур Конан Дойл познакомился с Джозефом Беллом два года спустя, но тот все еще переживал эту утрату, глубоко скорбя в душе. Несмотря на множество дел, доктор Белл почти никогда не пропускал воскресные службы, на которых присутствовал вместе с детьми.

Свои религиозные убеждения Джозеф Белл издавна привык подтверждать делами. Отвага и самоотверженность Белла стали также причиной появления у него резкого, пронзительного голоса и хромоты. В начале 60#х годов XIX века молодой Джо Белл, в те времена перегруженный работой фельдшер, оказывал помощь страдающим и умирающим больным во время многочисленных эпидемий. В воды реки Лит, которая, извиваясь, лениво течет через Эдинбург, разделяя город на две половины, видимо, сбрасывались также и все нечистоты города²⁵. В течение нескольких лет жители Эдинбурга страдали от эпидемий холеры, тифа и оспы, но в начале 1864 года в измученном городе началась еще более свирепая вспышка дифтерии. Артура, которому на тот момент еще не было и пяти, судьба от этой болезни уберегла.

Дифтерия получила свое название от греческого слова, означающего «кожа, пленка». Один из симптомов дифтерии был увековечен после эпидемии в Испании в 1613 году, который получил наименование «El Año-de-los-Garrotillos»: «Год удушенных». У заболевших дифтерией в гортани появляются серая слизь и кожистые пленки, затрудняющие дыхание²⁶. Кроме того, у больных сильно болит горло, воспаляются и распухают железы, поднимается высокая температура, и, как правило, начинается воспалительный процесс в сердце.

Выпускник и преподаватель Эдинбургского университета, знаменитый хирург Фрэнсис Хоум писал, что горло перекрывается удушающими серыми дифтерийными пленками подобно «усланной одеялами кровати»²⁷. Именно Фрэнсис Хоум ввел в обиход название «круп», звукоподражательное местное словцо, которое имитировало характерное хрипение в горле при определенном респираторном заболевании²⁸, но дифтерия была страшнее крупы. Фрэнсис Хоум, родом из Бервикшира, был в университете профессором фармакологии, пре-

подавал происхождение, состав и свойства лекарственных средств. Фрэнсис Хоум впервые в мире произвел вакцинацию против кори и даже служил хирургом в драгунском полку во Фландрии. Он был одним из титанов медицины, до которых таким студентам, как Джо Белл, казалось, никогда не дотянуться.

Симптомы дифтерии были известны уже много веков, но лишь незадолго до описываемых событий врачи признали, что именно это заболевание в середине XVIII века называлось эпидемическим крупом, злокачественной ангиной, а также страшным *morbus strangulatorius*⁵²⁹. Причину возникновения дифтерии объясняли по-разному: от трупных газов, которые выделяют разлагающиеся туши животных, до холодной погоды, от болотных испарений до неизбежных сверхъестественных манифестаций³⁰. К счастью, магия как причина возникновения дифтерии больше не рассматривалась. Помимо этого, в 1876 году (Артур Конан Дойл был тогда студентом-первокурсником) было сделано открытие, что возбудителем сибирской язвы является определенный вид бактерий. Это научное открытие давало надежду, что вскоре будет обнаружена и причина заболевания дифтерией, от которой люди страдали уже столько веков.

В 1864 году доктор Белл, движимый состраданием к детям, задохнувшимся от дифтерийных пленок, страстно желал найти способ их удаления из горла больного. До тех пор никому еще не удавалось изобрести такой инструмент. Когда он с помощью пипетки попытался высосать дифтерийные пленки из горла ребенка, часть удаленной слизи и пленок попала ему в рот³¹.

После этого он сам заразился дифтерией и проболел несколько месяцев³². Три недели у Джозефа Белла ужасно болело горло, затем боль понемногу пошла на убыль, а друзья впервые заметили, что он начал гнусавить. Джозефу Беллу казалось, что у него в носоглотке появилась какая-то мембрана, мешавшая ему говорить отчетливо. Три недели спустя у него почти пропал голос, начало двоиться в глазах. Боль в горле вроде улеглась, но глотать становилось все труднее. Нередко получалось так, что при глотании часть жидкости попадала в носовые проходы, и Джозеф Белл делал понюшку табака, чтобы с этим справиться. Кроме того, у него отказала одна нога, появилась боль в груди.

Сам профессор Джеймс Сайм прописал ему для восстановления здоровья уехать куда-нибудь в сельскую местность и соблюдать постельный режим, и Джозеф Белл уехал в свое родовое имение в Гледойке на реке Тэй, к северу от Эдинбурга. На какое-то время доктор Белл утратил способность самостоятельно передвигаться, даже опираясь на трость, и ему пришлось в конце концов согласиться, чтобы сначала кто-то один, а потом и два человека поддерживали его под руки, когда нужно было куда-то идти. Со временем Белл смог снова глотать без затруднений. Постепенно восстановилась дикция, но тембр голоса навсегда остался высоким и пронзительным. Белл проболел дифтерией целых четыре месяца, и только после этого к нему вернулась способность ходить почти так же быстро, как и до болезни, но от хромоты он так никогда и не избавился³³. В январе 1865 года Джозеф Белл выступил на заседании медицинского хирургического общества с докладом об этой болезни, о ее течении и полученном на этой основе медицинском опыте³⁴. Позже этот доклад был опубликован в журнале «Эдинбург Медикал Джорнал», и, несмотря на исключительно спокойное и подробное изложение событий от третьего лица, читатели постепенно понимали, что перед ними автобиографическая драма.

Много лет спустя доктор Белл не уставал вновь и вновь повторять, что врачу в равной степени важно уметь соперничать своему пациенту и ставить точный диагноз. Показывая Артуру Конан Дойлу и другим студентам, как опытный наблюдатель замечает тренирован-

⁵ *Morbus strangulatorius* (лат.) – гнойная ангина; дословно: удушающая болезнь. – Прим. ред.

ным взглядом особенности и признаки, которые не видят люди неподготовленные, и может на основе этих сведений быстро понять характер и образ жизни другого человека, Джозеф Белл тем самым доказывал им, что его метод диагностики при всей своей театральности не был просто театрализованным представлением. Он призывал своих студентов постоянно повышать уровень своих теоретических знаний, неустанно штудирова профессиональные журналы, и подкреплять таким образом свой практический опыт. Доктор Белл всегда оставался для Артура Конан Дойла образцом настоящего ученого, интеллектуала – и при этом в высшей степени нравственного человека. Артур Конан Дойл часто спрашивал доктора Белла о его построенном на наблюдении методе диагностики, а тот любезно отвечал на все вопросы своего студента. Артур Конан Дойл навсегда запомнил уроки своего наставника и практические занятия с ним.

Глава 3

Артистичность, которая в крови

Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы.

(Шерлок Холмс, произведение Артура Конан Дойла «Случай с переводчиком»; пер. М. Вольпина)

Ранние годы Артура Конан Дойла прошли в одном из узких тупиков Эдинбурга. Писатель сохранил о своем детстве самые яркие воспоминания. Он вырос в бедной семье, и, как и остальной шпане из соседних улочек и переулков, ему пришлось научиться драться. Между мальчиками, жившими на противоположных сторонах улицы, постоянно тлела вражда. Заняв главенствующее положение среди ребят из бедняцких квартир, Артур, как их временный король, в один прекрасный день решил бросить вызов мальчишке из богатой виллы неподалеку. Они сошлись в поединке прямо в саду виллы. Противники были равны друг другу по силам, и ни один не желал сдаваться, пока оба не были избиты и исцарапаны в кровь.

«Ох, Артур, – воскликнула мать, увидев его, – какой у тебя ужасный синяк под глазом!»

«А ты вон лучше посмотри, какой у Эдди Таллоха сейчас фингал!» – ответил ей сын, ничуть не смутившись¹.

В другой раз парнишка-рассыльный сапожника с зеленым суконным мешком в руках случайно забрел на улицу Артура и его друзей. Артур затеял с ним драку, и мальчик в ответ так треснул его по голове этим мешком, набитым башмаками, что Артур едва пришел в себя.

На улице Артур не боялся ввязаться в драку, но дома ему были нужны лишь тихий уголок и книга. Он родился в творческой семье. Сколько он себя помнил, литература всегда неудержимо влекла его, и с самого раннего детства жизнь дарил ему встречи с писателями. По линии отца, который сам был художником и иллюстратором, в семье было много других весьма талантливых людей, получивших признание и популярность. Благодаря им Артур и другие дети в семье познакомились со знаменитыми писателями и художниками, некоторые из них даже бывали в гостях у Дойлов в Эдинбурге. К сожалению, семейство эдинбургских Дойлов, в отличие от других родственников, не могло похвастаться благополучием и достатком. Так что Артуру порой приходилось испытывать острое чувство стыда за скромную квартиру своих родителей, когда состоятельные родственники и знакомые приезжали к ним². Одним из таких посетителей был высокий, улыбчивый, рано поседевший человек лет пятидесяти, который часто усаживал Артура, в то время малыша лет четырех, себе на колени. Мальчику он казался глубоким стариком. Позже, уже повзрослев, Артур с гордостью вспоминал, как, бывало, сам Уильям Мейкпис Теккерей, знаменитый автор романов «Пенденнис» и «Ярмарка тщеславия», держал его на коленях³.

Отец Артура, Чарльз Олтемонт Дойл, был братом Ричарда «Дики» Дойла, родившегося в Англии известного иллюстратора журнала «Панч». Именно Дики Дойл придумал и нарисовал Панча и Джуди, знаменитых персонажей этого сатирического журнала. Чарльз и Дики были сыновьями ирландского художника, карикатуриста и литографа Джона Дойла. Некоторое время политические карикатуры Джона Дойла печатались под псевдонимом «Н. В.»⁶. Его карикатуры отличали сдержанность и отсутствие острой гротескности, свойственной работам его предшественников, таких как Томас Роулэндсон, например.

⁶ Буквы «Н» и «В» были созданы из двух букв «J» и двух «D» – инициалов Джона Дойла. При этом тайна псевдонима

Чарльз Дойл тоже был талантливым художником, но он не достиг таких высот, как его родичи. Этот элегантный, остроумный, несомненно, творческий бородач отличался сугубой непрактичностью и полным отсутствием дисциплины. Вдобавок ко множеству личных комплексов и проблем он слишком пристрастился к выпивке⁴. Долгие годы Чарльз Дойл работал рисовальщиком, помощником известного архитектора Роберта Мэтисона. Заняв пост управляющего общественными работами в Шотландии, Роберт Мэтисон прославился своими общественными зданиями эпохи итальянского Возрождения, в частности, новым Регистрационным домом в Новом городе, который он спроектировал, чтобы дополнить первоначальный Регистрационный дом, созданный Робертом Адамом в XVIII веке.

Самым важным вкладом Чарльза Дойла в работу архитектурного бюро Роберта Мэтисона стало участие в разработке проекта фонтана для дворца Холируд. Это был заказ молодой королевы Виктории, желавшей, чтобы в Холируде со стороны фасада был такой же фонтан, как тот, что был сооружен при Джеймсе V в начале XVI века во дворце Линлитгоу в Западном Лотиане. Фонтан в Холируде поднялся на высоту около шести метров. Он украшен статуями (в их числе вставший на дыбы единорог и флейтист в круглой шляпе⁷), под ними кругом расположены традиционные львиные головы, из пастей которых стекает вода. На авторской копии этого творения, которое, как считал Роберт Мэтисон, «скорее следует называть произведением искусства, а не обычным строительно-архитектурным проектом»⁵, подпись Чарльза Дойла стояла рядом с подписью самого Мэтисона. Это было крайне нехарактерное для главы архитектурного бюро признание заслуг помощника, поскольку, как правило, Роберт Мэтисон присваивал себе все лавры за выполненный проект. Кроме того, Чарльз Дойл участвовал в разработке проекта реконструкции кафедрального собора в Глазго. Он создал эскиз одного из высоких окон собора⁶, по которому впоследствии и была выполнена реконструкция таких окон, но имя его в списке участвовавших в проекте художников уже не значилось.

За многие годы работы художником Чарльз Дойл проиллюстрировал множество книг. В 1877 году он все еще был способен создать шестьдесят причудливых, изящных иллюстраций к «Нашей поездке в Бландерланд»⁷ Джона Хея Атола Макдональда, главного юрисконсульта Шотландии, который печатался под псевдонимом Жан Жамбо, шутивно обыграв на французский лад свое первое имя и другие инициалы. В свободные часы Макдональд увлекался написанием полной шуток и каламбуров книги для детей. Автор находился под таким большим впечатлением от книг Льюиса Кэрролла об Алисе, что уже в первом же абзаце своей книги цитировал Кэрролла.

Однако профессиональная деятельность Чарльза Дойла, и в лучшие годы не слишком успешная, уже давно находилась в состоянии упадка. Его ранние работы, иллюстрации для различных лондонских издательств, были почти неизвестны в Шотландии. Чарльз настолько опустился, что стал обменивать на спиртное свои редкие теперь акварельные картины и графические зарисовки вместо того, чтобы продавать их⁸. В результате в одном из пабов Эдинбурга скопилось целая коллекция работ Чарльза Дойла. К тому времени как Артуру сравнялось три, его отец часто бывал настолько пьян, что порой не мог ни вспомнить собственного имени, ни встать с полу, перемещаясь ползком⁹. Его даже как-то раз застали за тем, что он выпил полироль для мебели.

«Н. В.» сохранялась до 1843 года, пока Дойл не раскрыл ее в 18#страничном письме премьер-министру Роберту Пиллю. – *Прим. пер.*

⁷ Вставший на дыбы единорог – геральдический символ Шотландии (в т. ч. и царствующего дома), флейтист – аллегория на увлечение аристократии музыкой. Единорог и флейтист – не единственные статуи, украшающие эту достопримечательность; трудно сказать, почему автор остановил свое внимание именно на них. – *Прим. ред.*

Чарльз Дойл мог утащить из дома что угодно, чтобы обменять на выпивку. Не раз бывало, что его бедной жене приходилось отбиваться от гневных требований торговцев, представлявших ей счета за товары, которые она никогда в глаза не видела. Оказывается, Чарльз покупал их в кредит и перепродавал, чтобы выручить немного наличных. Временами Чарльз даже доходил до того, что обворовывал своих детей, таская у них мелочь из копилки. Говорили, что Чарльз нередко был готов рисковать своей жизнью и достоинством и сбежал во время запоев из-под замка, связывая веревку из своего постельного и нижнего белья и спускаясь по этой веревке из окна.

Несмотря на все тяготы и разочарования, Мэри Дойл, видимо, оставалась верна своему мужу и продолжала с теплотой относиться к Чарльзу. «Тот, кто его знал, не мог не любить его», – позже говорила она¹⁰. Артур же, скорее всего, крепко хранил в тайне все, что касалось отца, и ни с кем это не обсуждал, лишь порой намеками упоминал в письмах к матери.

Четверть века Чарльз Дойл трудился в Управлении общественных работ на той же должности, которую он занимал там с девятнадцати лет. Ни разу его годовая зарплата и гонорары за художественные работы не превысили сумму в 300 фунтов¹¹, а этого было слишком мало, чтобы содержать дом, кормить и воспитывать большую семью. Еще в начале 1860#х годов, едва достигнув возраста тридцати лет, Чарльз Дойл уже так сильно пил и так часто отсутствовал на рабочем месте, что в Управлении общественных работ ему наполовину срезаали зарплату¹². Лишь благодаря личному обаянию и большому таланту Чарльза Дойла руководители Роберт Мэтисон и Эндрю Керр терпели его выходки¹³. Однако в июне 1876 года, за несколько месяцев до возвращения Артура Конан Дойла в Эдинбург, во время реорганизации Управления общественных работ Чарльза Дойла уволили. Ему тогда исполнилось всего сорок четыре года. В докладной записке при назначении пенсии было великодушно упомянуто, что Чарльз Дойл «добросовестно и усердно исполнял свои обязанности»¹⁴, поэтому ему назначили ежегодную пенсию в размере 150 фунтов.

Возможно, Мэри Дойл утаивала многое от сына, или же сам Артур Конан Дойл упорно отказывался признавать существующие проблемы, но, узнав из письма матери о выходе отца на пенсию, он как ни в чем не бывало спросил, что, собственно, случилось, здоров ли отец, или его уволили по какой-то другой причине¹⁵.

Так и получилось, что основная ответственность за благополучие детей теперь лежала на энергичной и находчивой сероглазой матери Артура Конан Дойла, которую он обожал и идеализировал. Именно она помогла ему сохранить присутствие духа и привила любовь к учебе. Она рассказывала Артуру о Флобере и Теофиле Готье, про братьев Гонкур. Над Мэри Дойл в семье нежно подшучивали за ее привычку непрерывно читать, даже занимаясь домашними делами. Артуру была хорошо знакома такая картина: мать стоит у плиты, помешивая овсянку специальной лопаткой особой формы, чтобы в каше не образовывались комки, а в другой держит «Ревю де Дё Монд»⁸, поднося журнал поближе к своим близоруким глазам¹⁶. Именно этот журнал со знакомой коричневатой-желтой обложкой познакомил Артура с миром Средневековья (большой частью вымышленным), исполненным рыцарства и безрассудной отваги, которые так захватили его воображение.

Увлеченность матери литературой передалась и сыну¹⁷. Артур быстро научился складывать слова, читая матери вслух, пока она вязала. Самоучителем французского для него стали... подписи к иллюстрациям в томике Жюль Верна, которые мальчик старательно выписывал и заучивал, а потом произносил вслух. Первым романом Верна был «Пять недель

⁸ «Ревю де Дё Монд» – литературно-художественный, но затем философско-политический журнал, название в переводе означает «Обозрение Старого и Нового Света». – *Прим. пер.*

на воздушном шаре», сначала, как обычно в то время, публиковавшийся отдельными главами в журнале. В 1863 году, когда Артуру было четыре года, роман вышел отдельной книгой. Пока Артур был еще маленьким, вышли многие популярные произведения Жюль Верна, в том числе «Приключения капитана Гаттераса», «Путешествие к центру Земли», а также «С Земли на Луну». Благодаря этим книгам в душе Конан Дойла проснулась любовь к приключениям; кроме того, они помогли ему научиться бегло говорить по-французски¹⁸.

Мэри Дойл относилась с большим почтением к американскому врачу и эссеисту Оливеру Уэнделлу Холмсу, автору нескольких популярных книг, в том числе «Автократ застолья», опубликованной за год до рождения Артура. Остроумные, ярко написанные рассказы Оливера Холмса о достижениях современной медицины во многом способствовали формированию мировоззрения Конан Дойла. Фамилию «Холмс» в семье Дойлов произносили с неизменным уважением.

На попечении Мэри Дойл был целый выводок детей. В возрасте семнадцати лет Артур вернулся в Эдинбург из школы-интерната. К этому времени его двадцатилетняя старшая сестра, Энн Мэри Фрэнсис Конан, которую дома прозвали сначала Тотти, а потом стали звать Аннет, уже работала гувернанткой в Португалии. Она отправляла домой каждый пенни, который удавалось сэкономить. Сестрам Констанс Амелии Монике (Конни) и Кэролайн Мэри Бартон (Лотти) было, соответственно, двенадцать и десять. Единственному брату Артура, Джону Френсису Иннесу Хэю, которого дома прозвали Дафф, было три с половиной года. Джейн Аделаиде Роуз (Иде) исполнился год, а пока Артур учился на первом курсе медицинского факультета, в семье Дойлов родилась еще одна девочка, Брайан Мэри Джулия Джозефина, которую вскоре прозвали Додо.

Семейство Дойлов жило в постоянной нужде, особенно туго стало с деньгами после увольнения Чарльза Дойла из Управления общественных работ. В конце концов, все это вынудило Мэри Дойл открыть домашний пансион. Возможно, такой поворот событий казался родителям Артура своеобразным завершением некоего цикла жизни. Дело в том, что во время первого приезда Чарльза Дойла в Эдинбург в 1850 году он поселился в пансионе у вдовы, чья дочь, симпатичная Мэри, вскоре привлекла его внимание. Однако Конан Дойл стыдился сложившейся ситуации, считал ее позором для семьи и, как старший сын, чувствовал свою ответственность за брата и сестер¹⁹. Кроме того, он осознавал подспудные ожидания родителей, что станет спасителем для семьи.

Глава 4

Семь трудных шагов

Стонихёрст, огромный средневековый жилой дом... Так и видится мне, как год за годом я поднимаюсь по семи крутым ступеням – это трудный путь, и, проходя их, я как будто прохожу через столько же этапов своего детства¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Учиться на медицинском факультете Эдинбургского университета у профессора Джо Белла было непросто, но Артуру Конан Дойлу там было намного лучше, чем когда-то в далеком детстве в эдинбургской школе под названием Ньюингтонская академия. С этой школой были связаны последние детские воспоминания Артура, относящиеся к жизни в Эдинбурге, поскольку следующие восемь лет он провел в школе-интернате. До Ньюингтонской академии Артуру от дома идти было недалеко, всего пару кварталов до Солсбери-плейс. А там, в этой первой на его памяти школе, учеников ждал директор, Патрик Уилсон – одноглазый человек с изрытым оспой лицом, то и дело с садистским удовольствием пускавший в ход многохвостую кожаную плетку².

В школе в Ходдер-плейс в Ланкашире на севере Англии, которой руководил более мягкий нравом отец Фрэнсис Кэссиди, жить было ненамного лучше³. Кроме отца Кэссиди там были и другие учителя, и они добротой к своим воспитанникам не отличались. Но Ходдер-плейс, где Артур провел почти безотлучно два долгих года (их отпускали домой всего на шесть недель летом), был подготовительной школой для расположенного поблизости Стонихёрста. В этой знаменитой иезуитской школе учителя наказывали учащихся за малейшие нарушения – безжалостно били их по рукам каучуковыми ремнями шириной с подошву. После таких наказаний Артур не мог порой своей избитой, пульсирующей от боли рукой повернуть дверную ручку и выйти из комнаты. А на следующее утро он с трудом удерживал в горсти свою порцию черствого хлеба и чашку разбавленного молока в облицованной мрамором, утонченно элегантной столовой, резко диссонировавшей своим убранством с убогостью пищи.

Гордый и непокорный Артур был готов с уважением и симпатией относиться к окружающим, но покориться унижающим его и издевающимся над ним «педагогам» он отказывался⁴. Стоически, не морщась, переносил он телесные наказания, находя между тем все новые поводы для проказ, чтобы показать, что дух его не сломлен. Постепенно Артуру стало понятно, что ему достается чаще, чем многим его одноклассникам. Однако он, видимо, расценил это как подтверждение своей негибкости. Артур чувствовал настоятельную потребность снова и снова доказывать другим и самому себе свою независимость.

Одноклассники вскоре также узнали, что Артур – прирожденный рассказчик. Он мог украсить своими яркими историями о героических подвигах те дни, когда занятия длились только до обеда – обычно так было по средам и субботам⁵. Восхищенные ученики устраивались за партами или на корточках на полу и, положив подбородок на ладонь, зачарованно слушали и неотрывно смотрели на восседавшего на столе Артура. Иногда рассказчик требовал угостить его пирогом, прежде чем приступить к повествованию, или прервать его, чтобы подкрепиться яблоком. Слушатели относились к этому терпеливо и неизменно награждали Артура аплодисментами⁶. Постепенно в нем росло стремление к более широкому и устойчивому признанию.

За время учебы в Стонихёрсте Артур Конан Дойл крепко сдружился только с одним учеником, Джимми Райаном, но в целом он неплохо ладил и с остальными одноклассниками. Среди них был и Патрик Шерлок⁷, дальний родственник ирландской тетушки Артура, Джейн Дойл⁸. Вероятно, Патрик напоминал Артуру об Уильяме Шерлоке, неоднозначном религиозном деятеле, ставшем предстоятелем собора Святого Павла в Лондоне в конце XVII века. Любимый историк Артура, Томас Бабингтон Маколей, уделил Уильяму Шерлоку особое внимание в своей «Истории Англии»⁹. Артуру часто встречалась эта фамилия. Весьма вероятно, что все более свободомыслящий юноша, вынужденный заниматься теологией в Стонихёрсте, также был знаком и с трудами сына Уильяма Шерлока. Говорили, что Томас Шерлок так ярко выступил в защиту христианской доктрины о чудесах, что под воздействием его слов философ Давид Юм, один из легендарных сынов Эдинбурга, выдающийся деятель шотландского Просвещения, написал в 1748 году свою знаменитую, глубоко рациональную главу «О чудесах» в книге «Размышления о человеческом понимании». А в 1868 году, когда Артуру исполнилось девять, вышел в свет роман «Потерянное имя» ирландского писателя Шеридана Ле Фаню, автора мистических историй о привидениях и готических романов, среди персонажей которых был некий Кармель Шерлок.

Артур бунтовал также против бесконечной зубрежки латыни, греческого и математики. Гомера в оригинале он не любил, а Эвклида не переносил ни на каком языке. Но в Ходдере-плейс и Стонихёрсте он семь лет грыз гранит иезуитской науки, организованной по образцу классической «римской системы»: классам были присвоены названия, повторяющие этапы обучения латыни, – начала, формы, основы, грамматика, синтаксис, поэзия и риторика⁹. Хуже всего Артуру давалась химия, несмотря на то, что Стонихёрст располагал весьма прилично оборудованной лабораторией. Это, правда, не мешало Артуру писать домой, что он напугает своих сестер и брата химическими опытами¹⁰.

В Стонихёрсте Артур впервые обнаружил в себе талант и недюжинное воображение. В 1874 году, когда ему исполнилось пятнадцать лет, Артур с удивлением наблюдал за стеланиями другие мальчишек, получивших задание написать стихи на тему исхода евреев из Египта. Самого Артура это задание, наоборот, очень порадовало, потому что стихи он любил с ранних лет. Он с наслаждением принялся рифмовать: «Как в лесу на мураве светлеют маргаритки,/Так средь ковыля видны Израиля кибитки...»¹¹

В следующем году Артур уже был редактором журнала колледжа Стонихёрст, сам написал немало стихотворений и, к своему изумлению, успешно – на «отлично» – сдал выпускной экзамен по программе Лондонского университета¹². Такой экзамен сдавали все ученики Стонихёрста по окончании этого учебного заведения. Удивленные одноклассники и друзья Артура в честь такого события качали его на руках на спортивной площадке. Так постепенно у Артура Конан Дойла стали появляться новые планы относительно своего будущего. Он почувствовал, что у него немалые задатки.

Однако далеко не все его учителя были так же обрадованы. Слишком часто Артур проявлял неповиновение школьным правилам и нормам. Когда он сообщил одному из преподавателей, что собирается стать инженером-строителем, тот напрямую сказал Артуру: «Что ж, Дойл, инженером вы, может, и станете, но вот воспитанным человеком – вряд ли»¹³¹⁰.

Несмотря на то что ирландцы Дойлы (когда-то их изначально англо-нормандское имя выглядело как «Д'Ойл»¹⁴) находились в мрачном окружении Шотландской епископальной

⁹ Эта же система образования (и названий классов) действует в Стонихёрсте до сих пор. – *Прим. ред.*

¹⁰ Игра слов: «инженер-строитель» по-английски – «civil engineer», а слово «civil» также значит «воспитанный», «культурный». – *Прим. пер.*

церкви¹¹, они оставались католиками. Отец Артура был глубоко верующим человеком, мать также искренне исповедовала католичество (правда, представление о вечной геенне огненной она не разделяла из человеколюбия). Тем не менее на предложение колледжа Стони-хёрст обучать Артура бесплатно при условии, что родители затем определят его в иезуиты, мать Артура ответила отказом, за что он был ей очень благодарен. В детстве он, конечно, без колебаний разделял религиозные взгляды родителей. Но постепенно яростная бескомпромиссность в суждениях и ограниченность взглядов его учителей-теософов, а также чтение философских и научных книг и статей отдалили Артура от католицизма¹⁵. Услышав, что выдающийся священник заявляет, будто все, кто пребывает вне лона церкви, прокляты на веки веков, Артур пришел в ужас и негодование. Со временем его все больше и больше отвращала воинственная ограниченность религиозных организаций, их многочисленные доктрины Артур считал необоснованными и надуманными. Его по-прежнему восхищали некоторые ритуалы, запах ладана, звуки церковной музыки, он высоко ценил роль религии в установлении и поддержании морально-этических норм в обществе. Но религиозные догматы Артур отвергал.

Следующий год Конан Дойл провел в другой школе иезуитов – «Стелла Матутина», которая находилась неподалеку от церкви Фельдкирх в живописной провинции Форарльберг на западе Австрии, между блиставшими снежными вершинами горами в Тирольских Альпах, высоко над Боденским озером. Учителя в Фельдкирх, в отличие от предыдущих наставников, проявляли к учащимся мягкость и доброту – это умирало бунтарский пыл Артура. Здесь он много читал по-немецки, чуть ли не «бросил читать английские книги»¹⁶, как в шутку написал он матери. Конечно, в быстрой речи Артур мог перепутать существительное среднего рода с прилагательным женского, но в целом он, бесспорно, делал успехи.

Ученики школы раз в неделю ходили в походы, разбившись на тройки: – два немца на одного иностранца – с тем, чтобы тот набирался практики. Уже весной 1876 года Артур обнаружил, что может вполне внятно изъясняться на немецком в течение трех часов такой «амбулаторной прогулки». В письме к матери он утверждал, что прочел восьмисотстраничную «Историю Европы» на немецком языке. То и дело спотыкаясь на незнакомых словах, Артур все-таки понимал текст достаточно хорошо, чтобы обнаружить там некоторые случайные ошибки. Он, например, понял, что автор ошибочно разделит фамилию адмирала Гайд-Паркера, и в результате у него получились два адмирала: один по фамилии Хайд, а другой – Паркер¹⁷.

Артур был силен физически, у него оказались развитые легкие, поэтому в школьном оркестре он играл на бомбардоне, басовой трубе таких размеров, что однажды его одноклассникам удалось засунуть в ее раструб подушку и простыню. Артур всегда любил прогулки и разные спортивные занятия на открытом воздухе, поэтому он с удовольствием совершал дальние прогулки в Альпах с тяжелым альпенштоком в руках. Как-то он прошел так сорок две мили. Кроме того, Артур занимался изданием рукописной школьной газеты, которую сам же основал и редактировал. Он придумал ей название: «Фельдкирхенская газета»¹⁸. Издание выходило на листах его школьных тетрадей, текст в ней был написан фиолетовыми чернилами. Этой смелой затее Артур нашел соответствующий девиз: «Публикуй, не утрашившись». Однако последствия его безрассудной смелости не заставили себя ждать. В своей редакционной статье Артур выступил с протестом против того, что учителя часто читают ученические письма, прежде чем отправить их адресатам. Вскоре после выхода всего двух тиражей газеты она была закрыта, на том и закончился первый опыт Артура в издательском деле.

¹¹ Шотландская епископальная церковь принадлежит англиканскому сообществу. – Прим. ред.

Конан Дойл всегда был не только читателем, но и писателем. Еще в возрасте пяти лет он написал сагу длиной в тридцать шесть слов¹⁹. Это произведение было написано детской рукой крупными буквами в большой тетради, а на полях Артур собственноручно изобразил в иллюстрациях с подписями, как тигр боролся с человеком. Для человека этот поединок закончился плохо. Сохранился небольшой фрагмент этой рукописи, из которого видно, что маленький автор хорошо «вооружил» своих персонажей: «У каждого пистолет, ружо и нож»²⁰. В семье любили цитировать замечание Артура, обнаружившего, что герой его повествования так быстро побежден: «Люди запросто попадают в передраги, а вот выбраться из них бывает трудно».

По пути из Австрии домой в августе 1876 года, делая небольшие остановки в Страсбурге, Базеле и в других местах, Артур добрался до Парижа²¹. Он приехал туда с парой пенсов в кармане и немедленно потратил один на лакричный напиток. Нанять повозку было уже не на что, поэтому он оставил свой чемодан на вокзале и пошел пешком по раскаленным летним зноем улицам вдоль отвратительно пахнувшей Сены к дому своего двоюродного деда и крестного отца Майкла Конана. Он него Артур унаследовал свое второе имя и жажду знаний. Подойдя к началу Елисейских Полей, Артур увидел вдалеке Триумфальную арку и, сориентировавшись по ней, пошел дальше, пока не отыскал дядюшкину квартиру на авеню де Ваграм.

Майкл многие годы был для Артура наставником и авторитетом, несмотря на то, что они не встречались лично. «Я буду с большим интересом следить за его развитием»²², – писал Майкл сестре, а ведь юному дарованию в это время еще не исполнилось и пяти. Это Майкл посоветовал матери Артура обучать его умножению, делению, началам географии и картографии еще до того, как ребенок пошел в школу. «Что касается будущего развития Артура, то оно, несмотря на его природную одаренность, во многом будет зависеть от матери, которая души в нем не чаёт, тем самым вызывая в нем любовь и уважение». На восьмой день рождения Майкл отправил Артуру в подарок детское издание истории Франции, с яркими цветными иллюстрациями королей и королев с коронами, в роскошных одеждах. Дядя уверял мальчика, что, поскольку его мать свободно владеет французским, то и он вскоре сможет прочесть эту книгу. Эта книга пробудила воображение Артура.

Оказалось, что Майкл Конан – широкоплечий ирландец с кипучей натурой, интеллектуал, бывший редактор «Art Journal», проводивший все душевное лето в городе. Они с Артуром отлично поладили. Майкл Конан убеждал своего весьма образованного и умного внучатого племянника, что ему необходимо почитать рассказы американского писателя Эдгара Аллана По²³, скончавшегося в 1849 году в возрасте сорока лет. По всей видимости, Майкл Конан не знал, что Артур с детства любил рассказы По²⁴ и возил книжечку его «Рассказов тайны и воображения» с собой в Фельдкирх²⁵. Кроме того, уже дома в Эдинбурге, готовясь в сентябре с репетитором к поступлению на медицинский факультет университета, Артур, бывало, устраивал себе перерывы и в качестве разрядки читал вслух младшим сестрам и брату рассказы Эдгара По, наводя на них страх²⁶.

Глава 5 Северные Афины

*Путешественники, объехавшие весь свет, не могли бы назвать более прекрасной панорамы¹.
(Артур Конан Дойл. «Торговый дом Гердлстон», пер. И. Гуровой и Т. Озерской)*

Летом 1876 года семнадцатилетний Артур Конан Дойл вернулся в живописный город своего детства. Эдинбург расположен на трех холмах в узкой долине между отрогами гор Пентланд на юге и заливом Ферг-оф-Форт в двух милях к северо-востоку². Шотландский диалект богат эпитетами, характеризующими местные зимние ветра – «иссушающие», «пронизывающие», «сивые», «хладно-жестокие»³. Если забраться повыше и посмотреть вдаль на северо-восток через Ферг-оф-Форт⁴, туда, где река Форт впадает в Германский океан⁵, можно разглядеть маяк на готической башне в пяти милях от берега на острове Мэй. С 1816 года он подавал сигналы морякам, а спустя двадцать лет там были установлены рефракторные линзы, так что свет маяка видели теперь издалека.

Из долины струились вверх туманы, превращаясь в легкую дымку над средневековым Эдинбургским замком. Замок, расположенный на скалистом базальтовом утесе, имеет четыреста футов¹² в высоту⁶. С внутренней стороны замка высится башня. Ее венчают стрельчатые окна, откуда еще в XII веке лучники обрушивали на головы осаждающих потоки стрел¹³.

Замок так высок, что выстрел «часовой» пушки оттуда разносился далеко по округе⁷. Такой сугубо мирный выстрел звучал ежедневно, кроме воскресенья, в час дня с начала 1861 года; Артуру тогда исполнилось два. По этому выстрелу корабельщики из Лита и лавочники из Нового города¹⁴ сверяли время, и прохожие на Принсес-стрит¹⁵ тянулись к жилетным карманам, чтобы проверить свои часы. Звук разносился на такое расстояние от замка, что Чарльз Пьяцци Смит, королевский астроном Шотландии, создал особую карту, на которой концентрическими кругами было обозначено, за какое время в секундах на какое расстояние распространяется звук выстрела, что позволяло выверять часы точнее.

До изобретения современных пушек эта крепость считалась почти неприступной. Она была главной цитаделью Эдинбурга, а следовательно, и Шотландии, поэтому ее много раз осаждали. Замок высился над округой, и пастухи в Файфе на севере от Эдинбурга, оторвавшись от стрижки овец, поднимая взгляд, видели его башню, как мираж на горизонте⁸. Моряки, приближаясь к Эдинбургу с северо-востока, издали видели башни замка. Оттуда открывался незабываемый вид на округу. На севере взору представали зубчатые вершины Грампианских гор, на востоке над тысячами грязных крыш можно было увидеть возвышавшийся вдалеке «Трон Артура»¹⁶, на юге – Пентлендские холмы. В опубликованном в 1859 году путеводителе по Шотландии с гордостью сказано, что вид из замка сочетает в себе

¹² Около 120 м. – *Прим. пер.*

¹³ Современный облик Эдинбургского замка (не сильно изменившийся со времен юности Артура Конан Дойла) обязан двум крупным перестройкам XVI и XVIII вв. «Башня со стрельчатыми окнами» – это скорее всего «Батарея-полумесяц», возведенная в 1588 г., так что «потоки стрел» в этом случае стоит отнести на счет художественного вымысла автора. – *Прим. ред.*

¹⁴ Новый город – один из центральных районов Эдинбурга. – *Прим. пер.*

¹⁵ Принсес-стрит – одна из центральных улиц Эдинбурга. – *Прим. пер.*

¹⁶ Самый высокий холм (251 м) в парке Холируд, вершина потухшего вулкана, одна из популярных достопримечательностей Эдинбурга. – *Прим. ред.*

«в одном обширном пространстве самые роскошные черты прекрасного и возвышенного»⁹. Вид на город с моря, горный ландшафт и вдохновленная греческой культурой архитектура классицизма снискали Эдинбургу славу «Афин Севера»¹⁰.

Величественная тень замка падала на шумный рынок внизу, в городе¹¹. И сквозь грохот колес экипажей, насмешки уличных мальчишек и грохот проезжающих поездов слышались звуки барабана и горна¹², сопровождавшие смену караула. В районе Грассмаркет всегда было множество пабов и лавочек, оштетинившихся винтовыми лестницами и ступенчатыми фронтонами. С XV века здесь бурно кипела жизнь¹³. Во времена Артура Конан Дойла тут все еще торговали крупным рогатым скотом и лошадьми. Тут же находились знаменитая старинная гостиница «Белый Олень» и паб «Черный Бык» с мраморными рельефными колоннами по обе стороны от входа, а над ним надпись: «Дж. Уилкинсон, торговля спиртными напитками». По соседству располагались грузовые склады. Перед входом теснились запряженные телеги, нагруженные товарами. Сверху все телеги были плотно укрыты брезентом, чтобы товары не вымокли под дождем, нередко поливавшим Эдинбург. В том же здании находилась и лавочка, где торговали нюхательным и курительным табаком. Над входом нависал бюст человека в тюрбане, некогда, возможно, украшавший форштевень корабля – он свидетельствовал, что товар и правда прибыл из экзотических стран. Порожние телеги на время превращались в удобные стойки для местных бездельников – те, облокотясь на них, покуривали, обмениваясь сплетнями.

Когда-то Грассмаркет был местом публичных казней. Именно здесь произошла знаменитая казнь жены рыбака по имени Мэгги Дикинсон. Ее повесили в 1724 году за убийство собственного ребенка. Но когда ее повезли с места казни, Мэгги вдруг очнулась. Оказалось, во время повешения она лишь потеряла сознание, но не умерла. Было решено, что свое наказание она понесла и, возможно, была спасена по божьей воле. Мэгги Дикинсон освободили. Однако после этого в текст приговора о казни через повешение в Шотландии внесли дополнение: «до смерти».

Город не раз горел. Перед пламенем устояли только замок и Холирудский дворец, расположенный на другом конце спускающейся по гребню холма улицы, которая теперь называется Королевская Миля. Позже и они пали под натиском армии Кромвеля и были разграблены. В конце 70#х годов XIX века, когда Артур Конан Дойл был еще школьником, руины Холирудского аббатства возвышались меж газовыми заводами¹⁷ и пивоварнями, и его готические ворота были похожи на декорации, перед которыми как заводные шагали туда и сюда охранники в своих красных мундирах¹⁴.

Между замком и университетом, на вершине холма, где находится церковь Грейфрайерс, оранжевогрудые малиновки и стаи отъевшихся кошек крутились посреди высеченных в камне эпитафий великим именам шотландской истории с железными решетками-«мортсейфами» на могилах¹⁵, охранявшими их от кладбищенских мародеров, «людей воскрешения», таких как Уильям Бёрк и Уильям Хэр¹⁸, которые грабили могилы и убивали бедняков в 20#х годах XIX века.

¹⁷ В XIX в. газовое освещение (как домов, так и улиц) в Англии было весьма распространено, да и к концу века еще не вполне уступило электрическому. Газовые заводы производили светильный газ (смесь водорода, метана и других горючих газов) путем пиролиза каменного угля. К описываемому в тексте времени они диверсифицировались, производя газ уже в качестве топлива. – *Прим. ред.*

¹⁸ Знаменитые виновники «Уэст-портских убийств» – серии из 16 убийств, совершенных с ноября 1827-го по 31 октября 1828 года в окрестностях улицы Уэст-Порт. Бёрк и Хэр, начав как «обычные» грабители могил (извлеченные трупы продавались медикам, испытывавшим крайнюю нужду в «материале» для анатомических исследований), решили, что убивать бедняков в тех же целях проще и безопаснее (см. также Главу 7). – *Прим. ред.*

Тесные и темные улочки Старого города ниже и восточнее замка вились в средневековом беспорядке¹⁶. Грубо сколоченные верхние этажи домов нависали над нижними, а грязные улицы были такими узкими, что пешеход, расставив руки, мог коснуться стен противостоящих домов. Когда-то в высоких домах Эдинбурга жили аристократы, но затем скученность и чума заставили их перебраться в пригороды. В 70#х годах XIX века покрытое пятнами сажи белье сушилось, свисая из окон когда-то величественных зданий, над входными дверями которых красовались потускневшие гербы.

Из окон большинства домов открывался довольно мрачный вид: шиферные крыши с дымоходами из красного кирпича, извергающими едкие клубы дыма. То и дело над крышами раздавался скрежет черного от сажи ежа, орудия трубочиста, прочищавшего дымоход¹⁷. Неудивительно, что в Средние века за городом закрепилось прозвище «Олд Смоуки»¹⁹. Но над городом тянуло не только дымом. Разило также тяжелыми испарениями кожевенных заводов и фабрик по производству клеев и зловонным содержимым ночных горшков, которое также выплескивали если не в специальные телеги, то прямо на улицы под ноги прохожим. К счастью, веющие с гор ветра, продувавшие город, помогали рассеять эти миазмы.

Городу не хватало места для роста вширь, и он стал расти ввысь. Когда преуспевающие слои населения покинули эти кварталы города, там разместились бедные. Они ютились в тесных грязных квартирках, расположенных одна над другой, а на нижних этажах держали свиней или устраивали конюшни. В те времена, когда маленький Артур впервые протопал по бульжным мостовым Старого города, держась за руку матери, часть бывших трущоб уже обрушилась. В 1824 году большой пожар, полыхавший пять дней, уничтожил или испортил не только такие памятники архитектуры, как Старый зал ассамблей, но и более двадцати многоквартирных домов. Некоторые из них насчитывали до четырнадцати этажей и считались самыми высокими зданиями в Европе. Пожар бушевал от Хай-стрит до Бортвик Клоуз. В огне погибло и здание на Парламент Клоуз, в котором родился Джеймс Босуэлл. Многие ветхие дома и многоквартирные здания были снесены. Вместо них построили более безопасное и более чистое современное жилье, однако это не избавило Старый город от перенаселенности и нищеты¹⁸.

Артур Конан Дойл стоял, бывало, на продуваемом всеми ветрами высоком Северном мосту между Старым городом и Новым, с его чистыми улицами и красивыми зданиями в классическом стиле, и смотрел на эти памятники общественного прогресса и предприимчивости, которые помогли превратить Эдинбург в мировой центр интеллектуального труда. Артур решил изучать медицину отчасти потому, что медицинский факультет Эдинбургского университета считался одним из лучших в мире. В XVIII веке здесь расцвело шотландское Просвещение. Здесь трудились философ и математик Дугалд Стюарт, экономист Адам Смит, геолог Джеймс Хаттон и многие другие известные деятели науки и культуры. Вальтер Скотт, чьими романами Конан Дойл зачитывался в юности, родился на улице Колледж Уаинд, рядом с Каугейт, а это недалеко от места, где родился и сам Артур. Жил Вальтер Скотт на площади Джордж-плейс возле университета, где ежедневно бывал Конан Дойл во время учебы, а умер всего за одно поколение до рождения Артура. Сама атмосфера Эдинбурга была насыщена высокими устремлениями и искусством.

Однако Эдинбург не был для Артура убежищем, где он мог бы забыть свои заботы. Финансовая несостоятельность отца, его увольнение из Управления общественных работ сделали груз ответственности за семью, и так лежавший в основном на плечах Мэри, многократно тяжелее. В те времена приличных для женщины благородного происхождения способов заработать было совсем немного – и она в конце концов решила открыть домашний

¹⁹ «Смоуки» (от англ. «smoke») значит «дымный»; приводимое автором прозвище Эдинбурга, таким образом, можно перевести как «Старая дымящая труба». – *Прим. пер.*

пансион. В 1875 году в их доме снял комнату двадцатилетний студент-медик Брайан Чарльз Уоллер, которому оставалось учиться полгода. Увлеченный писательством и поэзией, он при этом был достаточно практичен, чтобы изучать медицину. Брайан происходил из уважаемой йоркширской семьи. Он был всего на шесть лет старше Артура, но, видимо, его отношения с Мэри Дойл вскоре получили новый, пикантный оттенок, о чем семейные хроники, разумеется, умалчивали. Сначала Артуру Уоллер понравился. Именно он посоветовал юноше, который уважительно именовал его «доктор Уоллер», заняться медициной¹⁹. В мае 1876 года, незадолго до отъезда из Фельдкирх, Конан Дойл писал матери, что доктор Уоллер непременно подтвердит, что ему, Артуру, будет «очень трудно сдать экзамены» на медицинский факультет, учитывая, что мальчик плохо знал тригонометрию и евклидову геометрию²⁰. Мать нашла для него репетитора, и Конан Дойл успешно поступил в университет.

Вернувшись в Эдинбург в сентябре, после целого года отсутствия, Артур с нетерпением хотел увидеться со своей горячо любимой матерью, но оказалось, что ее нет дома: Мэри уехала с визитом в Йоркшир, в родовое гнездо семейства Уоллер в Масонгилле²¹. Артур же был или слишком невинным, чтобы понять, что это означает, или слишком замкнутым и гордым, чтобы делиться с кем-либо таким известием. Как это случилось, остается неизвестным, но довольно быстро Брайан Чарльз Уоллер стал не просто квартирантом в пансионе Дойлов, а другом семьи – он взял на себя все материальные заботы²².

Чарльз Дойл тем временем после вынужденного выхода на пенсию пытался иногда рисовать. В 1876 году он создал одну из своих наиболее веселых (и наименее странных) работ. Это яркая акварель, на которой множество пестро одетых людей катаются на коньках²³ по белоснежному льду озера Даддингстон-Лох, расположенного ниже крутого утеса на южном склоне «Трона Артура». Летом тут катались на лодках, вокруг плавали лебеди, а в зимних сумерках катались на коньках при свете факелов²⁴. Говорят, что катание на коньках на льду как вид спорта было придумано в Шотландии, а Эдинбургскому конькобежному клубу уже во времена Артура Конан Дойла исполнилось не менее ста лет²⁵. Артуру вообще нравилось, что в Эдинбурге можно было играть в футбол и гольф, взбираться на окрестные холмы по крутым тропам, играть в керлинг и кататься на коньках. Когда мать сообщила Артуру, что его отца уволили из Управления общественных работ, он ответил, что эти перемены в жизни, возможно, позволят Чарльзу Дойлу поскорей закончить тот эскиз с катанием на коньках²⁶. Однако надеждам семьи на то, что после этого репутация Чарльза Дойла как художника восстановится, не суждено было сбыться.

Глава 6

Ни один человек из плоти и крови...

Думается мне, что вряд ли кто в жизни испытывает такое же полное, переполняющее душу счастье, как одаренный богатым воображением паренек, у которого мало свободного времени, и вдруг выдается часок, чтобы укрыться где-то в уголке с книгой, и он знает, что весь этот час никто не помешает ему читать¹.
(Артур Конан Дойл. «Ювеналии»)

По дороге на занятия и в клинику Артур Конан Дойл ежедневно проходил мимо обители искушения на Южном мосту, номера домов 54 и 55. Там, под сенью Университета располагалась лавка книготорговца Джеймса Тина². Здесь торговали и новыми книгами, но бо́льшую часть томов, расставленных в многочисленных комнатах, Тин разыскивал на разнообразных распродажах недвижимости и аукционах. Полки жалобно поскрипывали под грузом научных изданий, которые специально разыскивали – или случайно на них наткнулись – получившие классическое образование ученые, завсегдатаи книжной лавки Джеймса Тина. Лишь строгий учет позволял избегать хаоса и путаницы среди такого множества книг. Так, одна из комнат была целиком посвящена книгам по медицине, другая – богословию, следующая – юриспруденции. Романов у Тина в продаже почти не было.

Книжная лавка Джеймса Тина существовала с 1848 года. Сюда заходили знаменитые писатели и политики Томас Бабингтон Маколей и Томас Карлайл – посмотреть книги и побеседовать. Рылся на здешних полках и миниатюрный живчик Томас де Квинси. Чаще всего он заходил сюда уже после захода солнца. Когда он в свойственной ему безупречной манере заводил разговор, становились видны его испорченные опиумом, скошенные вовнутрь зубы, отчего нижняя губа его выпячивалась³. Эксцентричный профессор университета Джон Стюарт Блэки, бывало, забегал сюда за понадобившейся ему книгой напрямую через Бридж-стрит, уворачиваясь от проезжавших экипажей и огибая прохожих, а его черный домашний халат обвивался полами вокруг его колен.

Сосредоточенный вид и редкие восклицания восторга завсегдатаев Джеймса Тина – чаще всего ими были старцы с длинными баками, балансирующие на шатких стремянках с толстыми таинственными томами в руках, – напомнили бы досужему наблюдателю школьного учителя Домини Сэмсона⁴, героя романа Вальтера Скотта «Гай Мэннеринг, или Астролог» (1815 год). Ученость в Эдинбурге всегда была в почете. Изображение этого персонажа есть среди шестидесяти с лишним других героев романов Вальтера Скотта, которые высечены на знаменитом, выполненном в готическом стиле двухсотфутовом памятнике любимому писателю Эдинбурга на Принсес-стрит.

Для безденежного Артура Конан Дойла самым большим искушением в лавке Джеймса Тина было вывешенное на окне объявление о распродаже⁵. Оно манило к себе как зов сирен – всего за три пенни можно было купить любую книгу из тех, что были свалены в большое корыто, стоявшее прямо под окном. Но ровно три пенни стоил и ежедневный обед Артура. Проходя мимо книжного магазинчика по пути на обед, Артур Конан Дойл каждый раз боролся с двумя видами голода. Конечно, чаще побеждал телесный голод. Но примерно раз в неделю Артур все-таки пропускал обед и останавливался у груды книг.

Он не мог даже и мечтать о роскошных дорогих изданиях и с радостью перебирал эти, выдворенные за пределы магазина, чтобы не занимать там ценного места. Терпеливо извлекая на свет божий логарифмические таблицы, незапамятных времен альманахи, глу-

бокомысленные размышления шотландских богословов, снабженные множеством примечаний, Артур Конан Дойл откладывал все это в сторонку, продолжая зарываться все глубже в надежде отыскать сокровище. И часто удача ему улыбалась. Как-то раз он стал счастливым обладателем острой сатиры Джонатана Свифта на христианство – «Сказ о Корыте», в другой раз ему достался плутовской роман Алена-Рене Лесажа «Жиль Блаз». Эти книги в переплетах из толстой кожи и с блеклыми золотыми буквами на обложках знавали и лучшие дни в библиотеке какого-нибудь джентльмена.

Однажды Артуру попала небольшая, но увесистая книга в мрачном переплете из темно-коричневой кожи. Это был «Трактат о войне», написанный на латыни⁶. Он открыл первую страницу и на форзаце обнаружил надпись, сделанную решительным угловатым почерком. Чернила уже почти выцвели, оставался слегка желтоватый след: «Экслибрис Джильельма Уайта, 1672». Надпись была датирована той эпохой, которая и так уже завладела воображением Артура, а уверенно написанная строчка, грезилось ему, предвещала начало какой-то захватывающей истории. Прошлое казалось ему безумно романтичным. Конан Дойл купил книгу. Однако, несмотря на бесконечную зубрежку латыни и греческого в Сто-нихёрсте и до него, в целом Артуру было все-таки проще читать классическую литературу в переводе на английский. Именно поэтому из корыта в лавке Джеймса Тина Артур извлек и приобрел все четыре тома переводов римского историка Тацита известного издания Томаса Гордона. Книги были изрядно потрепаны, но все же их можно было читать.

Там же Конан Дойл наткнулся на эссе Джозефа Аддисона, который стоял у истоков литературной журналистики, занимаясь с 1711 года вместе с Джозефом Стилем изданием журнала «The Spectator» («Наблюдатель»). Его увлечение историей Британии росло, и Артур Конан Дойл прочел хрестоматийную «Историю мятежа и гражданских войн в Англии» сэра Эдварда Хайда, первого графа Кларендона. Ему нравились стихи придворного XVII века Джорджа Вильерса, второго герцога Букингемского, и сатирика XVIII века Чарльза Черчилля. Конан Дойла интересовало многое, но в основном он читал сочинения писателей Шотландии, Ирландии и Англии – и в качестве развлечения, и в поиске знаний.

Страсть к чтению была у Артура с детства. И пусть днем он дрался с другими мальчиками на улице – вечерами и по выходным Артур, как в убежище, с головой погружался в мир книг⁷. В детстве он читал так много и быстро, что из ближайшей библиотеки его матери сообщили, что ему не будут выдавать более двух книг в день⁸.

В 1874 году, в возрасте пятнадцати лет, Конан Дойл провел трехнедельные рождественские каникулы у родственников в Лондоне⁹. Там он увидел известного актера Генриха Ирвинга в роли Гамлета, с восхищением разглядывал сверкающие мечи в Арсенале Тауэра. Но больше всего ему запомнилось посещение Вестминстерского аббатства. Несмотря на свою увлеченность британской историей, Артур первым делом отыскал не позолоченное бронзовое изваяние Эдварда III на его саркофаге, не мраморную статую Марии, королевы шотландцев, белые руки которой робко подняты в молитве, а Южный придел, получивший прозвище «Уголок поэтов». Там, под величественным окном с розовыми витражами, рядом с могилой Чосера и бюстом Мильтона, Артур отдал дань бранным останкам Томаса Бабингтона Маколей. «Тело его покоится с миром, но имя его будет жить в веках», – гласит надпись на надгробном камне¹⁰. Подобие высокому классическому слогу и героическому античному духу заставляло сердце Артура биться быстрее¹¹.

Шотландский историк и политик Томас Бабингтон Маколей прорубил для Артура окно в ранее непроницаемой стене истории. Многие годы, переезжая из школы в школу, Артур возил с собой потрепанную книжку Маколей «Сборник критических и исторических очерков» (1843 г.). Эти разрозненные эссе выходили в журнале «Edinburgh Review», отражавшем политические воззрения вигов. Сочинения Маколей – длинные, вдумчивые эссе на раз-

личные серьезные исторические темы, написанные хорошим литературным языком, – были типичны для «Edinburgh Review»¹².

Томас Бабингтон Маколей давно стал любимым писателем Артура Конан Дойла¹³. Пожертвовав очередным обедом, он приобрел на распродаже более свежий экземпляр «Очерков», хотя тоже сильно зачитанный. Автор широкими драматическими мазками набрасывал литературные портреты таких ярких исторических фигур, как Макиавелли, Фридрих Великий, Фрэнсис Бэкон и Джон Баньян²⁰. Благодаря этому сборнику у Артура Конан Дойла рос интерес к истории и одновременно возникало неодолимое стремление подражать величию и размаху автора. Некоторые критиковали этого писателя за самодовольный патриотизм, особенно ярко проявившийся в его несколько беллетризованной истории Англии. Однако в юности Артура Конан Дойлу очень imponировали авторитетный тон Томаса Бабингтона Маколей и его интерес к различным слоям общества¹⁴. Его восхищал пышный пафос кумира, его провокационные ремарки, его обостренное внимание к фактуре повествования, что делало эти эссе особенно достоверными. Повзрослев, Артур счел доводы критиков резонными.

Нравились Конан Дойлу и другие писатели. Собрание из нескольких сочинений Вальтера Скотта в оливково-зеленом тканом переплете Артуру вручили, когда он был еще совсем ребенком и ничего в них не понимал. Позже он уже запоем читал их в постели при свечах, пренебрегая советами матери поспать вместо этого¹⁵. Артур был не в силах оторваться от героических историй. Мальчик так увлекался приключенческими романами Вальтера Скотта, что первый его экземпляр «Айвенго» безвременно «канул в Лету». Артур брал книжку с собой почитать и по рассеянности оставил ее на травянистом берегу ручья. Нашел он ее лишь через несколько дней, выброшенную на берег, испачканную в грязи и размокшую, словно утопленница¹⁶.

По утверждению таких литературных критиков, как Джон Раскин и Томас Карлайл, роман «Айвенго», действие которого происходит в конце XII века, способствовал возрождению интереса английского общества к Средневековью¹⁷. Во времена детства и юности Конан Дойла этот интерес все еще не угас. В этом романе также впервые выведен образ легендарного Робин Гуда. Он появляется под именем Локсли, веселого разбойника, столь искусного лучника, что может даже расколоть чужую стрелу. «Это, должно быть, дьявол, простому смертному такое не под силу, – шептались между собой йомены. – Так еще никто не стрелял с тех самых пор, как в Англии впервые был сделан лук»¹⁸. Подобные сцены производили неизгладимое впечатление на Артура¹⁹.

Конан Дойл рано отметил, что Вальтер Скотт порой слишком велеречив и непоследователен, но стоит ему переключиться на действие, на развитие событий, как увлекательные сцены возникают под его пером, словно по мановению волшебной палочки. Ему удивительным образом удавались подробности повседневной жизни елизаветинской Англии в романе «Кенилворт» или полное интриг соперничество в Византийской империи во времена Первого крестового похода в романе «Граф Роберт Парижский». За несколько лет до того, как состоялось знакомство Артура Конан Дойла с произведениями Вальтера Скотта, один из критиков назвал писателя национальным кумиром, «чьи романы не только освежали и украшали историю, но многим историческим деятелям, ранее не избалованным славой, присваивали достойное им место и репутацию, как это сделала бы летопись самой истории»²⁰. И все же с самого начала своего знакомства с творчеством Вальтера Скотта у Артура Конан Дойла то и дело возникало желание, чтобы тот направил свое воображение на личности

²⁰ Джон Баньян (John Bunyan) – английский писатель, баптистский проповедник (1628–1688). – *Прим. ред.*

более современные вместо того, чтобы тратить столько лет на магическое воссоздание прошлого²¹.

Кроме того, Артур Конан Дойл очень любил героическую поэзию²². Для него не было образа привлекательней, чем образ мужественного Солдата, без колебаний вступающего в бой и идущего, может быть, на верную смерть. Доблесть в бою восхищала Артура так же, как нравилось ему все, что казалось мужественным: бокс, патриотизм, охота. В Стонихёрсте ему удалось выучить наизусть все семьдесят восемь строк из героической баллады Томаса Бабингтона Маколея «Гораций». Величественный и энергичный слог этого произведения не мог оставить Артура равнодушным:

Ларс Порсена из Клузии Девятью богами поклялся, Что великий дом Тарквиния Не претерпит страданий напрасно. Девятью богами поклялся, И назначил он день, И направил гонцов вперед, На восток и на запад, на юг и на север, Чтоб собрать свое войско.

Артур Конан Дойл любил читать о приключениях, так же как любил сами приключения. В детстве больше всего ему нравились книги американского писателя ирландского происхождения Майн Рида, особенно его роман «Охотники за скальпами» (1881 г.). Во вступлении автор рисует захватывающую панораму Дикого Запада, которая живо представала перед романтическим взором Артура:

«Развернем карту обоих полушарий и взглянем на огромный материк Северной Америки. Посмотрим на далекий Дикий Запад – туда, за крайние границы Соединенных Штатов, где перед нашими глазами развернется страна, землю которой никогда еще не вспахивали человеческие руки, очертания которой как бы отражают во всей величавой неприкосновенности первый день творения, – страна, в которой каждый предмет еще носит первобытный отпечаток, образ Творца...

Перед нашим духовным взором разворачивается изменчивая панорама роскошных картин...»²³²¹

Далее следует восторженное описание разительно отличающихся друг от друга пространств Дикого Запада: прерий, пустыни. Майн Рид завершает все это коротким рассказом о природе горной части Дикого Запада, с восхищением восклицая: «Это Скалистые горы, ньюмексиканские Кордильеры, хребет континента!»

Едва научившись складывать буквы в слова, Артур запоем читал такие книги и постоянно представлял себе, как он вступает в рукопашную схватку со свирепыми краснокожими воинами, как потом за ним, раненным, ухаживает прекрасная скво²⁴. В мыслях он не раз совершал морские походы от Гудзонова залива до мыса Горн и знал, как вести себя на борту корабля. В своем воображении Артур видел себя с длинноствольной «кентуккийской винтовкой» в руках и не сомневался, что сумел бы уйти от преследователей, пробежав по мелководью ручья, чтобы сбить собак со следа. Все эти воображаемые приключения еще были живы в его памяти, когда он шагал по холмистым улицам Эдинбурга к университету.

²¹ Пер. А. Ромма, А. Венедиктова. – *Прим. ред.*

Глава 7 Ода опиуму

*Здоровый скептицизм, который формирует медицинская подготовка, стремление подтвердить каждый факт и строить выводы только на основе этих подтвержденных фактов, – все это составляет прекрасное основание для любого рассуждения.
(Артур Конан Дойл, статья «Романс о медицине»)*

В 1876 году Артур Конан Дойл поступил в Эдинбургский университет, давно снискавший заслуженную славу мирового центра медицинского образования. В 1505 году, во времена правления Джеймса IV, который даровал гильдии хирургов и цирюльников хартию в ответ на прошение о создании таких профессиональных цехов в Эдинбурге, был основан Эдинбургский королевский хирургический колледж¹. В те времена другие монархи давали свое королевское согласие на публичные казни – бичевание или повешение, проведение публичных пыток – вырывание ноздрей, языка или прибивание ногтей к бревну. В 70#х годах XIX века Эдинбургский королевский хирургический колледж воздавал дань уважения смелости и предусмотрительности его основателей, которые, согласно преданиям о создании этого учебного учреждения, дерзнули среди дремучего варварства основать анклав просвещения.

В Эдинбургском университете, самом молодом из шотландских высших учебных заведений, преподавание хирургии и анатомии велось с начала XVI века. Однако само понятие «квалифицированный профессиональный врач» появилось значительно позже. Реестр аккредитованных медицинских работников был впервые опубликован в Британии лишь в 1858 году, за год до рождения Артура. Профессия врача претерпела значительные изменения в течение первой половины девятнадцатого столетия, и все, что видел Артур во время учебы, было плодом недавних исследований и экспериментов. Смахнув паутину прошлого, прогрессивный Эдинбургский университет занял передовые позиции в противовес более консервативным английским учебным заведениям, таким как Оксфордский и Кембриджский университеты, где многие влиятельные преподаватели все еще выступали против таких новых идей, как теория Дарвина о естественном отборе².

Как и другие науки (астрономия, геология и биология), медицина продвигалась вперед как в области теории, так и в практическом отношении. Микроскоп, изобретенный еще в XVII веке, был значительно усовершенствован, что позволило начать изучение структуры клетки: от клеток древесной коры до клеток человеческой крови. Идея вакцинации (то есть прививания вируса натуральной оспы людям, не имеющим к этой инфекции иммунитета) уже не была новой в Китае, Африке и Индии, но в Европе лишь в 1796 году англичанин Эдвард Дженнер успешно доказал, что прививки полезны, и разработал методы вакцинации, после чего европейское медицинское сообщество прекратило свои нападки и издевки. В 40#х годах XIX века для подкожных инъекций впервые стал применяться стальной шприц. Благодаря этому усовершенствованию врачам удалось преодолеть двухсотлетнее сопротивление этому методу, так как первые попытки подкожных инъекций иногда приводили к смертельному исходу.

Среди знаменитых ученых Эдинбургского университета новейшего времени был Джеймс Янг Симпсон, который через шестнадцать лет после открытия хлороформа в 1847 году обнаружил, что его можно применять для анестезии. Новый обезболивающий препарат стал использоваться во многих областях. В середине 40#х годов XIX века стоматолог Гораций Уэллс стал практиковать для обезболивания ингаляцию закиси азота. Эта идея была

впервые предложена великим химиком Гемфри Дэви еще за полвека до Горация Уэллса. Обезболивающий эффект закиси азота, так называемого веселящего газа, Гораций Уэллс проверил на себе. Один из его коллег дал ему подышать закиси азота, а другой коллега почти безболезненно удалил Уэллсу зуб. Примерно в это же время был проделан другой опыт обезболивания с помощью газа. Один из пациентов, страдавший от зубной боли, просил сделать ему гипноз перед тем, как вскрывать абсцесс на десне. Вместо гипноза, как он понял позже, ему сделали анестезию серным эфиром. Это вещество с древних времен было хорошо известно как отличное обезболивающее.

Джозеф Белл был не единственным преподавателем Эдинбургского университета, который своим примером показывал студентам, что медицина – увлекательнейшая и глубоко современная наука. Так, известный профессор естественной истории Чарльз Уивилл Томсон, которому на тот момент было около сорока пяти лет, преподавал зоологию. В 1876 году он вернулся в университет после службы главным научным советником на борту корабля ВМС Великобритании «Челленджер». По настоянию Чарльза Уивилла Томсона Королевское научное общество профинансировало переоборудование военного корабля в плавучую лабораторию для изучения морской фауны, о которой в то время было известно очень мало.

Уильям Рутерфорд³ был профессором физиологии после того, как несколько лет занимал пост Фуллеровского профессора²² химии Королевского института. Это был невысокого роста широкоплечий человек с бочкообразной грудью, делавшей голос Уильяма Рутерфорда невероятно зычным. Даже окладистая борода, сошедшая, как казалось Артуру, с барельефов ассирийских царей, не могла заглушить этот голос. Во время студенчества Конан Дойла Уильяму Рутерфорду было уже за сорок. Он родился и вырос в небольшой деревушке Анкрум Крейг, в районе Роксбургшир на юго-восточном побережье Шотландии, а образование получил в Вене, Париже и Берлине. В результате у Уильяма Рутерфорда сформировался весьма необычный «шотландско-среднеевропейский» акцент. Показывая студентам наглядные опыты на лягушках, он забавно приговаривал: «Ах уш эти немецки лякушки!» Уильям Рутерфорд обладал всеми необходимыми свойствами (прежде всего большим самообладанием и властностью), чтобы справляться с непростой задачей: чтением лекций для больших аудиторий. В зимнее время количество студентов на лекциях по практическому курсу физиологии достигало двухсот пятидесяти человек, а на лекциях по систематической физиологии их могло быть и вдвое больше⁴. Это ничуть не смущало Рутерфорда, умело сочетавшего чтение теории и наглядные опыты. Нередко профессор начинал свою речь, еще не войдя в аудиторию. Студенты еще не видели его, но уже слышали издали его громкий голос: «В венах есть клапаны...»

Химию Артур изучал у профессора Александра Крама Брауна, который внес большой вклад в науку. Среди его научных достижений было создание системы изображения химического соединения в виде диаграммы, на которой атомы были обозначены обведенными в круг символами, а их связь с ядром – пунктирной линией. Александр Крам Браун славился своей добротой и невозмутимостью. Так, при демонстрации некоторых опытов в конце химической реакции вещество должно было взорваться или загореться. Но бывало, что-то шло не так, и никакого взрыва не было. Некоторые насмешливые студенты, не удержавшись, выкрикивали: «Бум!» Браун же, выходя из-за укрытия, где следовало переждать момент взрыва, спокойно говорил: «В самом деле, господа!» И продолжал занятие.

Когда Конан Дойл поступил в университет, профессору Генри Литлджону было уже за сорок⁵. Генри Литлджон, как и Джозеф Белл, родился в Эдинбурге, окончил университет и Эдинбургский королевский хирургический колледж. Кроме того, он учился в Сорбонне. В

²² Должность, учрежденная на средства бывшего члена парламента Фуллера; первым этот пост занимал Майкл Фарадей. – *Прим. пер.*

1854 году он был принят в члены правления Эдинбургского королевского хирургического колледжа. Городской совет Эдинбурга назначил Генри Литлджона судебно-медицинским экспертом полиции⁶. В следующем году он впервые прочел лекцию на медицинском факультете и вскоре прославился своим ораторским искусством и артистическим талантом. С поразительным остроумием и красноречивой жестикуляцией Литлджон предельно доходчиво и образно рассказывал о самых разных вещах – от антисанитарии в трущобах до устройства древнеримской канализации. Вскоре он читал лекции и по судебно-медицинской экспертизе. В 1861 году, когда в Эдинбурге произошло обрушение многоквартирного дома, в результате погибло тридцать пять человек и множество пострадало, Эдинбургский городской совет назначил Генри Литлджона первым инспектором по здравоохранению Эдинбурга. Карьера ученого шла рука об руку с работой правохранителя.

Некоторые преподаватели оказали значительное влияние на Артура Конан Дойла, даже не принимая личного участия в его обучении. Роберт Кристисон, например, вышел на пенсию еще в 1877 году, но память о его достижениях продолжали бережно хранить в стенах университета. Роберт Кристисон учился в Париже у химика Пьера Жана Робике и французского токсиколога родом с Менорки Матьё Дж. Б. Орфила, прославившегося своими исследованиями об отравлениях мышьяком⁷. Роберт Кристисон первым стал использовать в ходе преподавания материалы государственных уголовных расследований и судебных процессов Шотландии, взяв за основу лучшие французские учебные пособия по этой тематике. Впервые он стал известен широкой публике в 1828 году благодаря участию в расследовании и судебном разбирательстве дел Уильяма Бёрка и Уильяма Хэра, печально знаменитых грабителей могил, которые совершали и убийства, чтобы продавать трупы медикам, изучавшим анатомию. Спрос на трупы был велик – до принятия в 1832 году «Анатомического акта»²³ вскрытию подлежали только тела официально казненных преступников. Роберт Кристисон служил медицинским экспертом в суде, а позже коронным медэкспертом Шотландии. Именно он сформулировал основные положения правил осмотра трупов. Начав свою карьеру с выступлений в Высшем уголовном суде в защиту обвиняемых, нанятый королевскими адвокатами для выискивания любых лазеек и зацепок для оправдания своих клиентов, Кристисон вскоре стал выступать в интересах противоположной стороны – в качестве медэксперта королевского суда.

К тому времени, когда Роберт Кристисон оказался в пределах досягаемости Артура Конан Дойла, он уже стал легендарной личностью⁸. Он часто выступал в судах в качестве криминального медэксперта, кроме того, он значительно доработал труды своего наставника Орфила по токсикологии, в конце концов превзойдя учителя. Кристисон, как и его коллега Джозеф Белл, не колеблясь, рисковал своим здоровьем и даже жизнью ради научных исследований. Узнав о традиционном среди жителей Старого Калабара – британской колонии на берегах Нигера на юго-западном побережье Африки – ритуале «испытания отравлением», Кристисон провел ряд экспериментов с так называемыми калабарским бобом. Несмотря на бесспорные доказательства высокой токсичности этой бобовой культуры, включая свидетельства очевидцев мучительных смертей от отравления калабарским бобом, Роберт Кристисон, вопреки возражениям своих коллег (в том числе и профессора Сайма), настоял на том, чтобы в лаборатории выращивали это растение для экспериментов. Сначала он испытал отравление калабарским бобом на животных, включая кролика, документируя каждую подробность агонии животного, которая длилась в течение пяти минут. Кроме того, уче-

²³ «Анатомический акт» разрешил медикам производить необходимые им вскрытия и исследования трупов, не ограничивая их «телами четырех казненных разбойников» в год (как гласил соответствующий закон XVI в.), и отменил положение о том, что вскрытие является частью казни. – *Прим. ред.*

ный заметил, что слизи, которые обгладывали первые пробившиеся из-под земли мясистые семядоли растения, умирали в течение двадцати четырех часов.

Прекрасно понимая, что «этот яд является одним из самых сильных в мире», Роберт Кристисон сам проглотил немного калабарского боба, а когда почувствовал первые симптомы отравления, то лишь увеличил дозировку. Ученый сравнивал изменения в своих ощущениях при отравлении калабарским бобом и индийской коноплей, опиумом и морфием, действие которых он также испытал на себе. Впоследствии, в 1855 году, Кристисон докладывал на заседании Королевского общества Эдинбурга: «Убедившись, таким образом, что мне удалось обнаружить действительно очень сильный яд, я немедленно принял меры, чтобы вывести его из моего организма, выпив воду, оставшуюся после бритья. После этого мой желудок быстро очистился»⁹. Артур Конан Дойл с большим вниманием относился к подобным рассказам о дерзновенных поступках ученых.

Вместе с обучением у этих выдающихся людей Артур усердно штудировал конспекты лекций, учебники и медицинские статьи. Чаще всего ему приходилось обращаться к «Основам фармакологии и терапии» Альфреда Баринга Гаррода, английского терапевта, который преподавал эти предметы в Университетском колледже Лондона, где им также был основан Музей фармакологии. В те времена большинство врачей сами изготавливали лекарства для своих пациентов. Арсенал имеющихся в распоряжении медиков лекарственных средств постоянно расширялся, и было необходимо понимать терапевтические свойства этих средств. Нуждались в переоценке и традиционные методы лечения, сложившиеся на основе тех лекарственных средств, что со времен Средневековья выращивали в аптекарских огородах. Начиная с 1865 года раз в несколько лет Альфред Баринг Гаррод публиковал обновленные и дополненные издания учебника.

В 1878 году Артур Конан Дойл купил шестое издание. Гаррод, член Королевского общества, прославился тем, что был активным сторонником применения лития для лечения подагры¹⁰, поскольку он выявил, что литий растворяет кристаллы мочевой кислоты, повышенное содержание которой было обнаружено в моче пациентов с подагрой. Кроме того, его заслугой было изобретение термина «ревматический артрит» и подробное описание этого заболевания. Артур поставил свою подпись на форзаце этого учебника и принялся методично его изучать, делая пометки по тексту¹¹. Он внимательно читал толстый энциклопедический том, подчеркивая статьи и делая пометки почти на каждой странице, а выводы записывал на полях¹². Конан Дойл отметил, например, что геморрой следует лечить «мазью из желчи и опиума», а также подробно записал, как лечить «злокачественную гонорею». Затем он перевернул все страницы тома и на последних пустых страницах сам сокращенно написал свои рецепты для составления лекарств. В указаниях по приготовлению опиума было сказано: «Выпаривать между слоями марли, пока не посветлеет»¹³.

Последние страницы и другие части книги были исписаны пометками о том, какой может быть реакция организма пациента на различные виды наркотических средств. Многие из этих пометок составлены Артуром в виде специальных мнемонических стихов, написанных в бойкой, разудалой манере, и подписаны его инициалами «АКД». Так, «Отравлению сулемой» Артур посвятил четырнадцать рифмованных строк. А ода «Опиум», написанная на внутренней обложке «Основ медицины и терапии», была даже сурово#лиричной, но и смешной одновременно:

Узнай же всю правду истинную: Он иссушает слизистую, Запор вызывает и злую жажду, И мышца сердечная ноет и страждет: Опиум сил придает, лишь покуда Не ослабят

стенки сосудов. Но первыми все же откажут мозги. Ученик, то, что есть в голове, береги. Угроза судорог велика. Не исключая и столбняка. А уж импотенция – наверняка¹⁴²⁴.

²⁴ Перевод «Оды» Л. Гурбановской.

Глава 8

Отравление ядом: опыты на себе

Несколько раз в жизни я совершал совершенно безрассудные поступки по столь ничтожным поводам, что и сам теперь не понимаю, зачем я это делал¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Артур Конан Дойл хорошо понимал, что пока мало знает и умеет как специалист, и в объявлении о поиске работы на время каникул он писал о себе так: «Свои услуги предлагает студент третьего курса, которого больше интересует опыт работы, а не оплата за нее»². Летом 1878 года он работал у доктора Чарльза Сидни Ричардсона, лечившего бедняков в Шеффилде, в английском графстве Йоркшир. Эту должность Артур занимал всего три недели. Позднее он говорил, что они с Чарльзом Сидни Ричардсоном расстались «по обоюдному согласию»³. О Йоркшире Артур писал так: «Лесов тут нет, одни дымящие трубы, грязно-серые реки, терриконы кокса и шлака, а надо всем этим огромные колеса и насосы шахт»⁴.

С радостью покинув унылый Шеффилд, Артур Конан Дойл провел несколько недель с родственниками Дойлов в Мейда-Вейл²⁵ среди суеты и великолепия Лондона. Он был так беден тогда и, очевидно, настолько разочарован недолгой работой у Чарльза Сидни Ричардсона, что всерьез подумывал откликнуться на предложения рекрутеров записаться на военную службу. Рекрутские пункты находились прямо на Трафальгарской площади. Сержанты искали крепких парней, которым в чем-то не повезло в жизни. Им предлагали стать солдатами за традиционную честную плату в один шиллинг⁵ (год спустя такая практика была отменена). Совершить подобную сделку было то же самое, что скрепить договор рукопожатием. Затем рекрутам следовало явиться в магистратуру, где им вручали дополнительную плату за то, что они согласились стать новобранцами.

Однако Артур справился с этим искушением. Он напомнил себе, как много его мать сделала, чтобы обеспечить ему достойное будущее⁶. Артур, правда, вызвался послужить в составе среднего медицинского персонала в полевых пунктах первой помощи в Турции во время войны с Россией²⁶. Но туда его отправить не успели, так как к тому времени война уже закончилась.

В следующий раз на объявление Конан Дойла ответ пришел из Рейтон-оф-Элвен-Тауэрс. Таким длинным именем называлась крошечная деревенька в Шропшире. Там Артур работал у доктора Генри Фрэнсиса Эллиота. Молодой помощник доктора был не против работать хоть с утра до ночи, но оказалось, что он совершенно не переносит одиночества. Артур никак не ожидал, что именно такой образ жизни ему будет необходимо вести как помощнику доктора Эллиота. Поначалу Артур, бывало, заходил время от времени поговорить с миссис Эллиот, пока она нянчила ребенка. Но затем доктор в резкой форме уведомил своего помощника, что таким поведением он нарушает принятые правила, согласно которым помощнику следовало знать свое место, что ему не позволено общаться с врачом или его семьей. Однажды Артур написал матери, что за три месяца работы у Генри Фрэнсиса

²⁵ Мейда-Вейл – привилегированный жилой район на западе Лондона. – *Прим. пер.*

²⁶ Речь идет о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В конце войны Британия вмешалась в ее ход и направила в Босфор флот, чтобы не допустить захвата Константинополя Россией. – *Прим. ред.*

Эллиота ему не с кем было поговорить, а единственный раз он общался с самим доктором, когда его однажды пригласили к ним «покурить»⁷.

Это временное место работы запомнилось Артуру Конан Дойлу также и тем, что именно тогда жизнь проверила его на стойкость и выдержку. Во время какого-то местного праздника, проходившего на историческом месте, должны были выстрелить из пушки. Но пушка не выстрелила, а взорвалась, осыпав осколками одного из зрителей. К дому доктора Эллиота примчался обезумевший посыльный, но по вызову прибыл не доктор, а неопытный молодой помощник. Конан Дойл увидел лежавшего в постели человека, из головы которого около уха торчал кусок железа⁸. На размышления у Артура времени не оставалось – нужно было немедленно решать, что делать. Он ухватился за этот обломок и вытащил его из раны. Когда обломок был извлечен, Артур увидел, под кровью просматривается чистая белая кость – значит, череп не был пробит. Тогда Артур зашил рану. Эти решительные действия помогли Конан Дойлу почувствовать уверенность в себе, да и окружающие, как он заметил, тоже прониклись к нему уважением.

В следующем году за работу во время летних каникул у доктора Реджинальда Хоара в Бирмингеме Конан Дойл получал символические два фунта в месяц. Артур по-прежнему был очень неопытен, но изо всех сил старался приобрести необходимые знания и опыт. Ему нравился доктор Хоар. Внешне он был похож на деревенского парня с могучими плечами и пышной окладистой бородой, но это был умелый профессионал, который смог скромные гонорары, полученные от бедняков Астона в центральном Бирмингеме – по три шиллинга за прием и по одному за изготовление лекарства – превратить в годовой доход в 3000 фунтов стерлингов.

Занимаясь выполнением своих обязанностей, Конан Дойл крутился весь день как белка в колесе. А вечером, когда он уже с ног валился, ему еще нужно было приготовить лекарства. Порой в списке, который Артуру вручал доктор, было около ста наименований. Все эти препараты помощник обязан был за вечер взвесить, измерить, смешать и упаковать в коробочки и пузырьки. Как он ни старался, но сделать все совершенно безупречно он не мог. Как-то раз Артур, например, подготовил для пациента подробную инструкцию приема лекарства, однако, открыв свою коробочку, тот обнаружил, что она пуста, – Артур забыл положить туда приготовленные пилюли.

* * *

Несмотря на свою большую занятость в июне 1879 года у доктора Хоара, в первые недели работы Артур Конан Дойл, рискуя своей жизнью, решил провести на себе опасный эксперимент⁹. Еще до этого он страдал от невралгии и несколько раз принимал болеутоляющее средство алкалоид гелземиум¹⁰. Это лекарство было получено из *Gelsemium sempervirens* (позже его стали называть просто гелземиум), вьющегося растения с желтоватыми цветками, которое произрастает в тропических и субтропических лесах Центральной и Южной Америки. В обиходе его еще называли то «вечерний горн» (по форме цветка, напоминающего раструб музыкального инструмента), то «желтый жасмин». Практически все части этого растения содержали большое количество алкалоидов семейства стрихнин¹¹. После первых доз этого лекарства боль не утихала, поэтому Артур решил превысить предписанную дозу: симптомов отравления он при этом не наблюдал.

Альфред Баринг Гаррод подробно описал гелземиум в своем справочнике «*Materia Medica*» («Фармакология»). В своем экземпляре этой книги Артур Конан Дойл сделал собственную запись о данном препарате, которую он озаглавил «*Tinctura Gelsemii*». В ней Артур подчеркнул основные моменты в соответствующей статье Гаррода: «Применяется при раз-

личных формах невралгии, ревматизме и мышечных спазмах как седативное средство... Смерть может наступить в результате апноэ, из-за паралича дыхательных мышц». В разделе «Показания к применению» Артур добавил на полях: «Также при хорее и воспалениях».

Под этими записями Артур Конан Дойл написал: «Фрейзер» – и подчеркнул это. Томас Ричард Фрейзер, когда-то работавший ассистентом Роберта Кристисона, после выхода своего наставника в отставку в 1877 году занял вместо него должность профессора фармакологии. Фрейзер, как и Кристисон, любил рисковать и ставить фармакологические опыты на себе. Он начал подобные эксперименты с изучения калабарского боба, продолжив работу Роберта Кристисона. В результате Фрейзер написал на эту тему блестящую диссертацию, высоко оцененную научным сообществом. За нее ученому была вручена награда – золотая медаль. Когда Артур был еще студентом, Томас Ричард Фрейзер уже считался значительной фигурой в научных кругах. В том же году, когда Фрейзер стал профессором фармакологии, его пригласили вступить в Королевское общество, а в 1878 году он стал деканом медицинского факультета Эдинбургского университета. Артур Конан Дойл учился у него на втором курсе.

«Несмотря на то что в Америке гельземиум широко используется, – писал Альфред Баринг Гаррод, – у нас это лекарство пока еще мало изучено»¹². В Соединенных Штатах врачи часто назначали гельземиум как обезболивающее при различных заболеваниях, в том числе при гриппе, лихорадке и менструальных болях¹³. В Европе гельземиум был менее распространен¹⁴. Британская фармакология не включила его в число разрешенных к применению препаратов, поскольку это высокотоксичное вещество не обладало какими-то несомненными достоинствами, которые оправдывали бы риск его применения. Конан Дойл, несомненно, знал об единодушных противопоказаниях к применению гельземиума, высказанных всеми специалистами в области фармакологии. В статье от 1832 года американский врач Уильям Тулли уже предупреждал об опасности передозировки этого лекарства: «Если принять этот препарат в количестве, превышающем минимально необходимое... это приводит... в конечном счете к коматозному состоянию, а иногда даже к смертельному исходу».

В конце 70#х годов несколько ученых-медиков изучали гельземиум. Так, в медицинском журнале «Ланцет» был опубликован ряд подробных статей по этому вопросу за авторством профессора терапии Сидни Рингера, преподавателя того же учебного заведения, в котором преподавал Альфред Баринг Гаррод (колледж при Эдинбургском университете), а также Уильяма Меррелла, ассистента профессора физиологии в том же колледже¹⁵. Журнал «Ланцет», основанный хирургом и реформатором Томасом Уакли в 1823 году, стал главным периодическим изданием британской медицины, и предполагалось, что Артур Конан Дойл, как и любой другой заинтересованный студент, может (и должен) ознакомиться с каждым его номером.

Следовательно, он не мог не заметить этой серии статей. В отчете по опытам на лягушках, кошках, кроликах, морских свинках и пуделе исследователи воздействия гельземиума сделали такое заключение: «Во всех этих опытах смерть, очевидно, происходила от асфиксии»¹⁶. Весной 1876 года Рингер и Меррелл опубликовали статью, в которой сообщали, что семнадцать раз испытывали гельземиум на людях. Добровольцев было шестеро. Им предлагалось принимать препарат «в дозах, достаточных для появления определенных симптомов интоксикации»¹⁷. Симптомы оказались такими, как и ожидалось: пациенты испытывали в строгой очередности головную боль в лобной области, головокружение, боль в глазах (непосредственно в самом глазном яблоке), помутнение зрения, двоение в глазах, тяжесть в веках, которые было трудно открыть, отмечалось также ограничение подвижности глазного яблока. «Следующим симптомом интоксикации гельземиумом была слабость в ногах. Далее такого проявления отравления этим препаратом мы никогда не продолжали наш эксперимент». Они

проанализировали воздействие препарата на дыхание и кровообращение, температуру тела, умственные способности и другие проявления. А в 1866 году было опубликовано сообщение о том, что один из терапевтов, который «по ошибке» принял гелемиум, рассказывал, что самым ужасным симптомом отравления была длившаяся несколько часов почти полная слепота.

В июне 1878 года журнал «Ланцет» завершил серию публикаций о препарате гелемиум двумя статьями о его «токсичных свойствах». Из-за непопулярности препарата в Великобритании бо́льшая часть материала для этого исследования была получена из источников в США. Там стандарты применения этого токсичного препарата были настолько низкими, что один врач велел пациентке принимать настойку гелемиума со следующей рекомендацией: если, приняв первую дозу препарата, она, подняв один палец, увидит только один палец (то есть в глазах у нее не будет двоиться), то можно принимать еще одну дозу¹⁸. Практикующие врачи сообщали о множестве случаев смерти от этого препарата: так, однажды умерла беременная женщина, которая приняла повышенную дозу гелемиума, еще одна женщина умерла после приема настойки гелемиума в качестве болеутоляющего после аборта¹⁹, а группа матросов по ошибке выпила бочонок настойки гелемиума, которую они перепутали с алкогольным напитком. Один врач стал свидетелем смерти трех детей от передозировки этого препарата.

Тем не менее Артур Конан Дойл смело решил повторить опасные подвиги Роберта Кристисона и Томаса Фрейзера с калабарским бобом. Настойку гелемиума готовили, смешивая порошок из высушенных корневищ и побегов гелемия в стандартных пропорциях со спиртом и водой. Артур измерял свою дозировку молочно-желтой жидкости в минимах. Миним был введен в 1809 году как более точная единица измерения объема жидкости вместо капли, ранее считавшейся стандартной мерой²⁰. Аптекари давно знали, что вязкость и другие факторы вызывают изменение размера капли, поэтому в конце концов в качестве стандартной меры был установлен миним, равный одной шестидесятой жидкой драхмы или одной четырехсотосьмидесятой жидкой унции. Для отмеривания доз ядовитого препарата Артур использовал градуированную стеклянную пипетку, называемую миниметром. Он принимал гелемиум, постоянно увеличивая дозы, и внимательно следил за реакцией своего организма, чтобы определить, какая дозировка уже действительно представляет собой серьезную угрозу и какие симптомы будут проявляться. На время эксперимента Артур перестал курить, опасаясь, что воздействие никотина может исказить результаты опыта.

Вместо того чтобы увеличивать дозировку постепенно, Артур Конан Дойл быстро наращивал ее. Он принимал гелемиум примерно в одно и то же время каждый день. В понедельник утром, в 10.30, он начал с приема сорока минимов горькой жидкости. Никакого видимого эффекта не последовало. Во вторник Артур принял уже шестьдесят минимов, что также оказалось совершенно безвредным. В среду доза была повышена до девяноста минимов, что уже превышало установленную ранее дозировку, считавшуюся смертельной. Через двадцать минут после этого Артур, встав со стула, испытал головокружение. Появилась слабость в ногах. Артур проверил свой пульс. Он был нитевидный, но это было неопасно. Вскоре все эти симптомы исчезли.

Артур Конан Дойл отважно продолжил опыт. В четверг утром он принял уже сто двадцать минимов. Вскоре он снова почувствовал головокружение, но не такое сильное, как в среду. Головокружение продолжалось примерно до часу дня, когда, выйдя на улицу, Артур не сразу, но понял, что плохо различает удаленные предметы. Чтобы сфокусировать глаза, ему приходилось сосредотачивать взгляд и прищуриваться. Тем не менее в пятницу Артур принял сто пятьдесят минимов – это было вдвое больше предполагаемой смертельной дозы. Он обнаружил, что при этой дозировке головокружения он почти не испытывал. Вместо него,

однако, у него постепенно стала проявляться сильная сонливость, которую он преодолевал с трудом, и мучительная фронтальная головная боль. Другим проявлением отравления была острая диарея. Постоянные отлучки в туалет, конечно, мешали ему выполнять свои обязанности помощника доктора Хоара.

Несмотря на все эти пугающие симптомы, несмотря на множество предупреждений специалистов, что этот препарат – сильнодействующий яд, в выходные Артур Конан Дойл решил поднять ставку в игре с судьбой. Утром в субботу и в воскресенье он принял по двести минимов гельземиума – более трети унции. Головные боли резко усилились. В воскресенье диарея настолько обострилась, что он решил закончить эксперимент. Несмотря на охватившее его чувство подавленности и головную боль, Артур сделал записи о дозировке и подсчитал свой пульс. Он был слабым, но устойчивым.

Вопреки всему Артур Конан Дойл выжил. Он составил свой отчет об эксперименте и отправил его в «Британский медицинский журнал». В нем Артур детально описал свои симптомы и подытожил свои наблюдения. «Здоровый взрослый человек может принимать до 90 минимов без какого-либо вреда для здоровья», – категорически утверждал он, забыв, правда, упомянуть, сам он был крепким и тренированным молодым человеком, организм которого привык к большим нагрузкам в боксе, в походах и других видах активного времяпровождения. «Я убежден, что мог бы принять и половину унции настойки, если бы не сильная диарея», – писал он.

Отчет Артура Конан Дойла был опубликован в виде письма в редакцию журнала в номере от 20 сентября 1879 года под незамысловатым заголовком «Гельземиум как яд». Свою статью Артур Конан Дойл подписал просто инициалами «А.К.Д.», а в качестве адреса указал место проживания у доктора Хоара – Клифтон-Хаус, Астон-роуд, Бирмингем. Это была его первая публикация по медицине. Этот отчаянный эксперимент на себе был достоин подобных опытов Роберта Кристисона и Томаса Фрейзера. Что это было: бравада или отчаяние, дань уважения отважным собратьям по профессии или самоистязание? Как бы там ни было, но этот безрассудный поступок на грани самоубийства вылился в конечном итоге в публичный отчет о дерзком пренебрежении опасностью, которое в ближайшем будущем проявится у Артура Конан Дойла и в других формах.

Глава 9

Невоздержанность

Меня окружало множество искушений, и благодарю всех ангелов#хранителей за то, что я с ними справился, но совершенно не осуждаю тех, кому это не удалось.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

«Хочешь на следующей неделе пойти в рейс на китобойном судне?»¹ – спросил Артура Конан Дойла его друг и сокурсник Клод Карри. Это было уже на последнем курсе, и Артур устало готовился к экзаменам. Был февраль 1880 года, и, поднимая глаза от учебников и записей, Артур глядел на ветреный сырой день за окном. Студенты в Эдинбургском университете были намного свободнее, чем в английских учебных заведениях², и, как и другие, Артур Конан Дойл снимал себе комнату за пределами университетского городка.

Многие китобойные суда брали в рейс студентов#медиков в качестве судовых врачей. Им можно было не платить, как настоящим врачам, ввиду их неопытности. Клод Карри уже бывал как-то раз в таком рейсе, и его позвали снова. «А я в последний момент узнал, что не смогу поехать, – объяснил он Артуру, – вот и хочу кого-то попросить выйти вместо меня». Китобойное судно «Хоуп» («Надежда») должно было выйти из Питерхеда на северо-восточном побережье Шотландии, курс лежал в Арктику. «Будешь хирургом. Оплата два фунта десять шиллингов в месяц и три шиллинга с каждой тонны китового жира».

Это были очень хорошие деньги для Артура, хотя из-за выхода в рейс нужно было оставить учебу на несколько месяцев. Не тратя ничего на борту, Артур немало бы сэкономил, а в своем воображении он стремился вырваться из рутины к новым горизонтам. Утомленный непрерывной зубрежкой, Артур решил отложить окончание университета.

Холодным мартовским днем он покинул Шетландские острова. Судно «Хоуп» выделялось среди китобойного флота Питерхеда: это была трехмачтовая шхуна с паровым винтом, когда-то гордая, но поистрепанная и утратившая былой лоск за годы хищнического промысла, значительно сократившего популяцию китов. Шхуна была всего сорока пяти футов в длину от обитого железом носа до кормы и двадцати восьми футов в ширину в средней части, высотой семнадцать футов²⁷. По ватерлинии китобой был укреплен железом между двух слоев дощатой обшивки. Такое судно могло пробиваться через арктические льды.

Работа на судне была для Артура Конан Дойла необременительной. За исключением тех редких случаев, когда кому-нибудь требовалась медицинская помощь, он в основном работал писарем: требовалось составить то бельевого список³, то реестр табачного довольствия⁴. Главным образом, как и Чарльз Дарвин в дни плавания в качестве натуралиста на борту судна «Бигль» с капитаном Робертом Фицем Роем в 30#х годах, Артур Конан Дойл должен был исполнять роль компаньона капитана. Капитан обедал со своим помощником и другими старшими офицерами, экипаж столовался отдельно. Но Артуру компания матросов нравилась не менее чем общество капитана. Его притягивали их недюжинная сила и буйный нрав. Артур не принадлежал к ним по рангу, и поместили его тоже отдельно, а не в матросских кубриках, так что в целом он себя к ним не причислял. Однако, подравшись с корабельным стюардом и поставив тому синяк под глазом, Артур понял вдруг, что матросы прониклись уважением к своему студенту-медику⁵.

²⁷ Около 14 м, 8,5 м и 5 м, соответственно. – Прим. пер.

Артур знал толк в выпивке, но повальное пьянство на борту поразило его. В своем дневнике он записал, что один матрос – вполне определенно алкоголик и явно страдает белой горячкой. Артур много знал об этом недуге на примере своего отца и понимал, что этому человеку место в лазарете, а не на борту китобоя.

В Арктике Артура Конан Дойла ждало много опасностей. Нередко случалось оказываться за бортом. Чаще всего он падал со скользкой палубы или плавучих льдин. Капитан даже саркастически прозвал его «великий северный ныряльщик» – по американскому прозвищу гагары. Артур, как судовой врач и образованный молодой джентльмен, не обязан был принимать участие в охоте. Но в погоне за приключениями и адреналином он садился в крохотные лодчонки, которые мотало на волнах, греб вместе со всеми и смотрел в глаза умирающему киту. Он бил и свеживал тюленей, стрелял моржей. Изредка Артур отправлял матери письма, в которых рассказывал о таких моментах своей жизни, о которых ни одна мать не хотела бы ничего знать. Он как будто поддразнивал ее опасностью, рискованностью своей работы, которую и не должен был делать, однако делал с очевидным удовольствием. Артур Конан Дойл навсегда запечатлел в своем воображении и пронизывающий холод, и странно освещенные ночи, и неведомые ему ранее создания животного мира. Он смог наладить хорошие отношения и с матросами, и с тем, кто ими руководил, стойко выносил холод и тьму и стал крепче и сильнее. Арктике не удалось одолеть Артура, как не одолел его и яд, которым он испытывал себя на прочность год назад.

* * *

Судно «Хоуп» пришвартовалось в Питерхеде в сентябре 1880 года. В начале 1881 года Артур долго гостил в семье Дойл в Ирландии. Там, вдали от других домочадцев и однокурсников по университету, он пережил череду легких увлечений, но его флирт редко бывал успешен, и в письмах он жаловался на девушек. Одному другу он написал, что встретил одну девятнадцатилетнюю особу, которая лучше всех в своем классе сдала очень трудный экзамен в Тринити-колледж в Оксфорде, единственное открытое тогда для женщин высшее учебное заведение. Там она была «стипендиаткой» – так шотландцы называли студентов, которые получили грант на обучение. Но она никогда не разговаривала с Артуром за обеденным столом, не любила танцевать, не могла подыграть аккомпанемент к песне и вообще вела себя как «дура безмозглая»⁶. В той же поездке Артур повстречал девушку по имени Элмор «Элмо» Уэлден. Он ухаживал за ней около недели, а потом написал своей матери, что запросто бы женился на мисс Уэлден, но были и другие девушки, на которых ему тоже очень хотелось бы жениться⁷; по крайней мере такое желание у него мимолетно возникало. Все эти ухаживания и короткие романы закончились ничем.

В августе 1881 года, на год позже остальных однокурсников из-за работы врачом на китобойном судне, на состоявшейся в Эдинбурге церемонии вручения дипломов Артур Конан Дойл получил степень бакалавра медицины и магистра хирургии. В письме он нарисовал себя размахивающим дипломом, а внизу подпись: «Лицензия на убийство». Затем он был вынужден присутствовать на похоронах друга семьи. Потом Артур всерьез увлекся фотографией – и вскоре отправился вместе с друзьями на остров Мэй⁸. Друзья его поехали охотиться, а Артур – фотографировать птиц, надеясь сделать фоторепортаж об этой поездке и опубликовать его в «Британском журнале фотографии». Там его материал приняли, фоторепортаж «За бакланами с фотоаппаратом» вышел в двух октябрьских номерах этого популярного еженедельника, и Артур Конан Дойл, таким образом, добавил в свое резюме еще одну строчку. Позднее в том же году ее перепечатали в издании «Anthony's Photographic Bulletin» в Соединенных Штатах. Это стало первой публикацией Конан Дойла в США.

Артур пользовался портативным фотоаппаратом «Мигер» с кожаным складчатым корпусом и полдюжиной задников для крепления сменных пластин. В каждом своем новом увлечении Конан Дойл разбирался досконально и был «ходячей энциклопедией» по этим вопросам. У него уже был деревянный штатив#тренога из ясеня, но Артур обзавелся еще и моноподом, походившим на трость с железным наконечником и регулируемым набалдашником с разъемом для установки фотоаппарата. Железный наконечник уходил в землю на глубину четыре дюйма, и монопод становился таким же устойчивым, как и штатив#тренога, а носить его было проще и легче. Энтузиазм Артура был так велик, что уже в своей первой статье по фотоискусству он не стеснялся давать советы другим фотографам.

За первые несколько лет после выхода Чарльза Дойла, отца Артура, на пенсию в 1876 году о нем не сохранилось почти никаких сведений. Друзья уже давно убеждали Мэри Дойл отправить своего неуравновешенного, пьющего мужа в какой-нибудь приют для алкоголиков⁹. Они уверяли ее, что это единственный способ спасти ему жизнь – и вернуть спокойствие и порядок в свою. Но она колебалась.

Наконец она решилась. Возможно, она увидела следующее объявление:

«Невоздержанность: приют для джентльменов в загородном доме на севере Шотландии. Заведение с многолетним стажем. Домашний комфорт. Прекрасные уголья для охоты, ловли форели и площадка для крикета. Лучшие рекомендации. Справки по адресу: г#н Д. Форбс, приют «Блайерно-Хаус», Друмлити, Фордун, Кинкардиншир»¹⁰.

Оно появилось среди множества прочих объявлений под рубрикой «Дома для невоздержанных» в ежегоднике «Медицинский справочник», предоставлявшем исчерпывающую «статистическую и общую информацию об университетах, колледжах, школах, больницах, диспансерах, обществах, юридическую помощь для малоимущих, приюты для душевнобольных, общественных службах, и т. д., и т. п.»¹¹. За годы существования ежегодника в нем размещались самые разнообразные рекламные объявления: и «раствора для промывания», и «балансирующего кресла-каталки для подъема по лестничным пролетам». Такие заведения, как приют «Блайерно-Хаус», представляли собой очередную попытку того времени оказать помощь алкоголикам и их семьям, причем постараться не причинить вреда ни тем ни другим – в отличие от того, как это делалось ранее. Населенный пункт Друмлити находился на побережье к северу от города Данди, практически возле города Абердин, то есть примерно в ста милях от Эдинбурга.

В начале 1881 года, а может быть, и раньше, в приюте «Блайерно-Хаус» появился новый постоялец¹². Чарльз Дойл хоть и вел себя с поразительным пренебрежением к остальным, однако, судя по всему, ему не предъявляли обвинений в совершении уголовных преступлений, да и жестокости он не проявлял. Таким образом, он, должно быть, принял свою изоляцию от общества добровольно. В Шотландии, согласно закону о «Хронических пьяницах» 1879 года, алкоголиков отправляли в специальные учреждения, которые назывались «лицензированными приютами для страдающих алкогольной зависимостью»¹³; закон также требовал, чтобы пациент предоставлял засвидетельствованное письменное подтверждение того, что он – хронический пьяница, составленное по утвержденной форме.

Приют «Блайерно-Хаус», распложенный в предгорьях Грампианских гор, был двухэтажным строением с толстыми каменными стенами, окруженным многочисленными хозяйственными постройками¹⁴. Руководил заведением специалист по лечению алкоголизма Дэвид Форбс. Он жил там же, вместе с чисто женским коллективом, состоявшим из семьи (жена, дочь и две сестры) и obsługi (пять служанок). В заведении содержались восемнадцать мужчин, в том числе учитель музыки, студент-медик, два бухгалтера, производитель табачных изделий, армейский офицер в отставке, «землевладелец», а теперь еще и господин Дойл, «архитектор и художник». Это была благовоспитанная компания, которая, по-видимому, не

причиняла много хлопот. В целом персонал, очевидно, не опасался своих постояльцев, как показывает упомянутая в объявлении возможность охотиться. Чарльз Дойл, однако, неоднократно пытался бежать и приобрел репутацию приятного, но беспокойного пациента.

В письме к сестре Лотти Артур описал это событие иносказательно. «Мы пристроили папу в санаторий», – написал он 9 апреля 1881 года. Вообще же Конан Дойл, видимо, предпочитал хранить молчание о семейных несчастьях. В своих письмах к семье и друзьям Артур мог временами пожаловаться на нехватку денег, проблемы с издателями журнала или на что-то другое, но наряду с этим научился искусно скрывать от других самые тягостные переживания, хранить их в себе; по крайней мере он старался не доверять их перу и бумаге. Позже он иногда писал об этих проблемах в своих произведениях, но надежно привязать его художественный вымысел к реальности его личной жизни невозможно.

Теперь Артур Конан Дойл стал старшим мужчиной в семье. В сентябре 1881 года его сестра Лотти, которой было всего пятнадцать с половиной лет, отправилась к старшей сестре Аннетт в Португалию, чтобы работать гувернанткой. Одинокая, трудолюбивая Аннетт жила там уже много лет, экономила каждую монетку и все деньги отправляла домой. Лотти предстояло то же самое. Артур очень хотел помочь им, он мечтал избавить мать от необходимости работать, а сестер – от разлуки с родиной¹⁵. Семья Дойл с давних времен его детства нечасто теперь собиралась вместе под одной крышей, разве что по праздникам, но они были редкими.

Стоял октябрь 1881 года. Артуру недавно сравнялось двадцать два. Задумываясь о своем будущем, в поисках постоянного дохода он принял решение снова уйти в море. Три месяца он работал судовым врачом на борту «Маюмба», потрепанного парходика, со скрипом перевозившего грузы и пассажиров между Ливерпулем и западным побережьем Африки. С самого начала это плавание было чревато опасностями. Едва они вышли из Ливерпуля, как «Маюмба» попала в сильнейший шторм и чудом осталась на плаву. Эта же буря, кстати, потопила пароход «Клан Макдафф»¹⁶. В британских газетах много писали об этом кораблекрушении. Позже Артур Конан Дойл понял, что во время урагана «Маюмба», судя по всему, проходила вблизи тонувшего «Клана Макдафф». Пока Артур оказывал помощь напуганным и страдающим морской болезнью пассажирам, его каюту затопило, но фотоаппарат, хранившийся в водонепроницаемом деревянном ящике, остался сухим.

До самой Мадейры погода была достаточно спокойной, можно было даже пофотографировать. К большой досаде Артура, пик Tenerife оказался скрыт туманной дымкой, но во время рейса удалось сделать много других памятных фотографий. Целую неделю вблизи Сьерра-Леоне море было спокойным, и у Артура появилась возможность полежать под навесом и полюбоваться летучими рыбами, «которые мерцали над гребнями волн, как серебряные слитки». В городке Фернандо По (на острове Биоко) Артур сфотографировал наводившие ужас развалины бывшего барака для рабов, а также акулу, которая плавала вокруг парохода у самой поверхности. В Старом Калабаре, британской колонии в шестидесяти милях от побережья вверх по реке Калабар (это место напомнило Конан Дойлу об экспериментах Кристисона и Фрейзера с ядовитым растением), он сфотографировал одного колоритного местного жителя, которого назвал «местный принц», но абориген был недоволен снимком, поскольку был на нем, как ему казалось, мало похож на себя. Многие на борту парохода слегли с малярией, по меньшей мере один из пассажиров от нее умер в канун Рождества. В Лагосе (Нигерия) заболел и Артур. Несколько дней он пролежал в бреду. Однако Артур был поразительно крепким, и ему удалось справиться с болезнью. Вскоре он уже был на палубе, правда, едва мог стоять на ногах – но понимал, что из очередной схватки он вышел победителем¹⁷.

Несмотря на множество опасностей, уже пережитых во время этого плавания, Артур Конан Дойл продолжал испытывать судьбу. Пока «Маюмба» стояла на якоре неподалеку от замка Кейп-Кост, одного из бывших фортов работоторговли на Золотом берегу²⁸, Артур прыгнул в воду и поплавал у бортов судна. А потом, уже греясь на палубе, он заметил, что воду рассекает плавник акулы. Так в очередной раз он рисковал, прекрасно понимая опасность, – так же, когда ставил на себе опыты или выходил на китобойный промысел в Арктике. Он понял, что часто действует из показного геройства, не считаясь с опасностью, но, казалось, он и сам не мог заранее сказать, в какой момент снова почувствует непреодолимое желание проверить себя¹⁸.

В этом плавании Артур Конан Дойл познакомился с известным североамериканским проповедником и оратором Генри Хайлендом Гарнетом, который родился рабом в штате Мэриленд в 1815 году. Генри Хайленд Гарнет был крупным деятелем движения аболиционистов и основателем «Общества африканской цивилизации», в задачи которого входила репатриация бывших рабов и их потомков в Африку. После Гражданской войны он первым среди чернокожих проповедников читал проповеди в палате представителей США. Затем президент США Джеймс А. Гарфилд назначил Гарнета посланником и генеральным консулом США в Либерии. Расположенная на западном побережье Африки Республика Либерия была основана в 1847 году выходцами из Африки, потомками африканских рабов, бежавшими от угнетения в Соединенных Штатах. Благополучно добравшись до Либерии, Генри Хайленд Гарнет умер через несколько недель после прибытия.

Артуру очень понравилось общаться с Гарнетом во время рейса. Он испытывал острую потребность в беседе с образованным человеком. С Гарнетом они обсуждали Джорджа Бэнкрофта, автора книги «История Соединенных Штатов Америки со времен открытия американского континента», а также другие его произведения, Джона Лотропа Мотли, автора книги «Причины гражданской войны в Америке», и многие другие сочинения по истории. В какой-то момент, разговорившись с просвещенным чернокожим, Конан Дойл вдруг осознал, что и сам Гарнет, должно быть, когда-то был рабом. «Знакомство с этим благородным и образованным человеком негритянского происхождения принесло мне большую пользу, – позже писал Артур, – поскольку мозг мужчины – это орган для формирования его собственных мыслей, а также для переваривания чужих, и ему нужен свежий корм»¹⁹.

Пароход «Маюмба» вернулся в Ливерпуль в середине января 1882 года. Не теряя время, Конан Дойл стал писать обо всем пережитом и увиденном. В марте и апреле в «Британском журнале фотографии» вышла состоявшая из двух частей статья «С фотоаппаратом на Невольничьем берегу». Сопровождая свои фотографии рассказом, Артур украсил его яркими зарисовками, литературными репортажами и остроумными диалогами. По большей части Артур обыграл все пережитые неудобства и страхи в комедийном ключе, но в заключение он сказал: «Лучше неделя в валлийских горах с легким фотоаппаратом и хорошим компаньоном, чем все яркие краски и оттенки пронизанной малярийными испарениями земли, где обитают гориллы». А в начале статьи Конан Дойл в качестве совета тем, кто подумывает о поездке на западное побережье Африки, напомнил хорошо известную шутку из журнала «Панч», где на вопрос, стоит ли жениться, был дан краткий ответ: «Не надо». Матери же Артур напрямую сказал, что больше работать судовым врачом не собирается, поскольку за то же время больше заработает публикациями²⁰.

²⁸ Золотой берег – историческое название побережья Гвинейского залива. – *Прим. пер.*

Глава 10

Доктор Конан Дойл, хирург

У меня было все, чтобы преуспеть в этом большом мире, и оснований сомневаться в успехе не было. У меня была молодость, сила и энергия, а в голове – премудрости науки медицины. Я испытывал такое ликование, как будто меня уже ожидала готовая практика.
(Артур Конан Дойл. «Письма Старка Монро»)

В начале 1882 года разрешился зревший в семье Дойл конфликт, связанный с Брайаном Уоллером, бывшим жильцом семейного пансиона, который постепенно взял на себя решение финансовых проблем Мэри Дойл, а возможно, стал для нее и более близким человеком. В сохранившейся переписке нет других подробностей, имеется лишь сообщение Артура Конан Дойла, адресованное в апреле сестре Лотти, о том, что он «до полусмерти напугал» Брайана Уоллера и что тот «наотрез отказался драться»¹. Следует отметить, что в письмах к своим домашним Конан Дойл любил преувеличивать и хвастаться, порой с большим юмором². Например, он рассказал Лотти, что после их решительного разговора с Брайаном Уоллером этот парень боялся выходить из дома и не показывался на улице двадцать три дня. Артур сообщал сестре, что, несмотря на то что они с Брайаном Уоллером «формально помирились» (вряд ли дело в их ссоре действительно дошло до драки), Брайан Уоллер предпочел покинуть Эдинбург.

Между тем уже в начале 1882 года Артур Конан Дойл откликался на любую вакансию работы врачом, какую только встречал, и каждый раз получал отказ. Фиаско обернулось и слишком многообещающее предложение от одного из своих бывших однокурсников. Капризный и непостоянный доктор Джордж Бадд, который всего на год раньше Артура окончил медицинский колледж при университете, склонил своего однокурсника принять его предложение работать в Плимуте, на побережье Девона. Но через полтора месяца Джордж отказался от своего предложения³. Как позже узнал Конан Дойл, Бадд читал его переписку с матерью и узнал о недовольстве Артура самонадеянным и переменчивым характером Бадда. Впрочем, Артур был вынужден признать, что и претензии Джорджа к нему тоже были справедливы – Артур и в самом деле был склонен к беспорядку и не отличался большой организованностью. Так и закончилась, не начавшись, обещанная работа.

В карманах своего твидового пиджака Артур уже с трудом отыскивал завалявшийся шиллинг и решил тогда, что ему нужно еще активнее взяться за поиск работы. По его представлениям, в Портсмуте, военном и торговом порту между Плимутом и Брайтоном, отделенном от Нормандии проливом, должно было быть много потенциальных пациентов, а врачей там не хватало. Неполных двадцати трех лет от роду, но уже набравшийся опыта в Арктике и Африке, Конан Дойл был готов начать самостоятельную карьеру врача. Купить уже сложившуюся практику было невозможно, так что ему предстояло самому строить свою собственную практику с нуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.